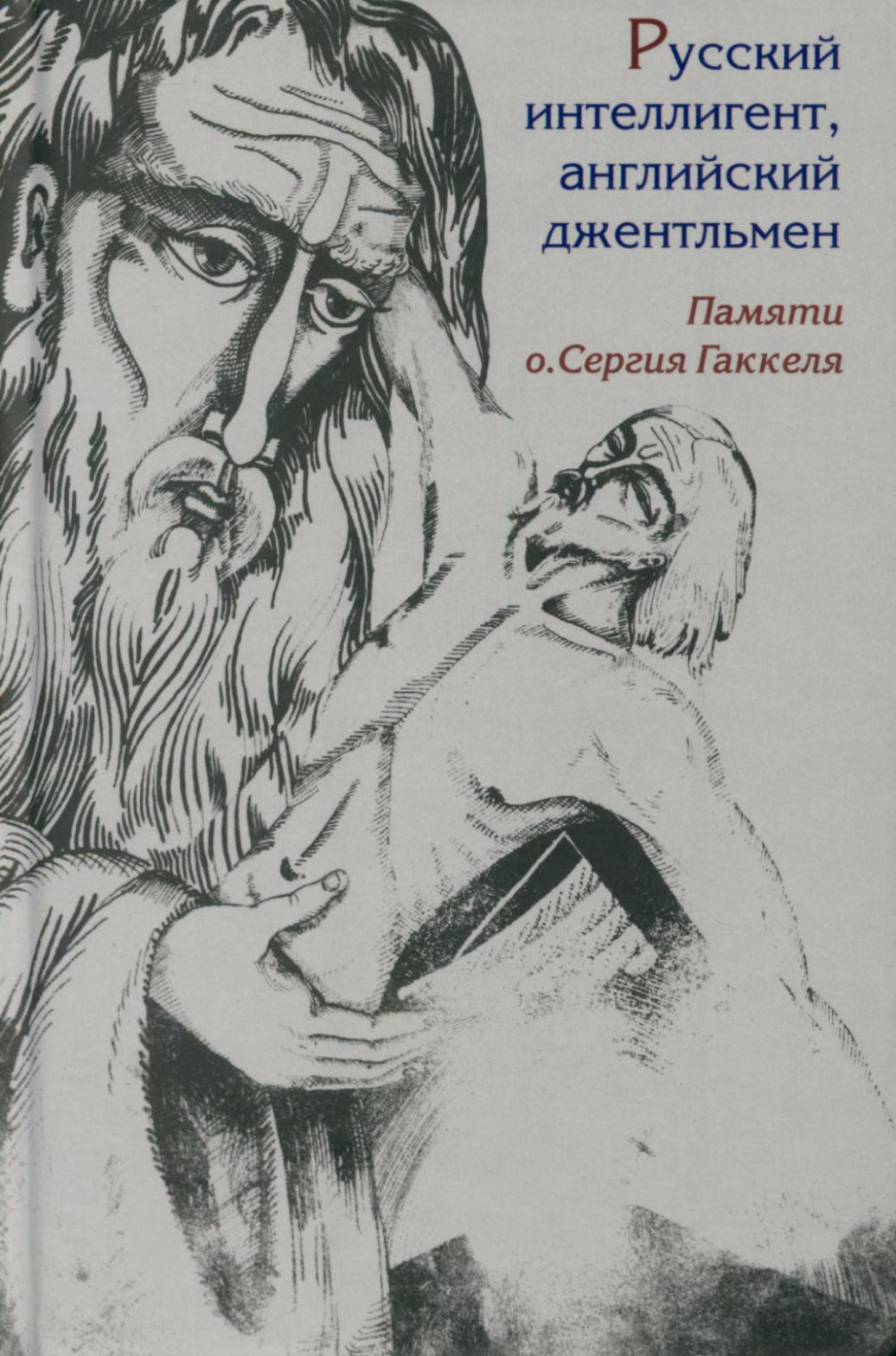

Русский
интеллигент,
английский
джентльмен

*Памяти
о.Сергия Гаккеля*

**Русский
интеллигент,
английский
джентльмен**

*Памяти
о.Сергия Гаккеля*

Сборник статей
под редакцией
Фаины ЯНОВОЙ

Центр книги Рудомино
Москва 2015

УДК 281.93

ББК 86.372

Р 89

Автор идеи, составитель и редактор — Фаина Янова

Дизайн — С.А. Виноградова

Фотоматериалы — из личного архива Фаины Яновой.

В оформлении обложки использован фрагмент рисунка матери Марии (Скобцовой)

Р89 Русский интеллигент, английский джентльмен. Памяти православного священника о. Сергия Гаккеля [сост. Фаина Янова]. — М.: Центр книги Рудомино, 2015 — 128 с.: илл.

ISBN 978-5-00087-062-4

Протоиерей Сергей Гаккель (1931–2005) — давний помощник и близкий друг митрополита Антония Сурожского. Об этом человеке — священнике, писателе, ученом-историке, журналисте и художнике говорят его друзья и соратники, ученики и прихожане, воспоминания которых автору и редактору книги Фаине Яновой, долгие годы работавшей вместе с о.Сергием в редакции религиозной Русской Службы Би-Би-Си, удалось собрать вместе под одной обложкой.

УДК 281.93

БК 86.372

Запрещается полное или частичное использование и воспроизведение текста и иллюстраций в любых формах без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-00087-062-4

© Ф. Янова, статьи, составление, 2015

© Б. Рашковский, Е. Рашковский, Н. Ставиская,

А. Эдельштейн, Ф. Янова, перевод, 2015

© ООО «Центр книги Рудомино», издание на русском языке, оформление, 2015

БЛАГОДАРНОСТЬ

Эту книгу трудно было бы подготовить без дружеского содействия ныне почившего протоиерея англиканской Церкви доктора философии Колина Дэйви (Великобритания), бывшего настоятеля Заостровского Свято-Сретенского прихода РПЦ отца Иоанна Привалова, профессора лорда Роберта Скидельского (Великобритания), доктора истории церкви Стеллы Рок (Великобритания), доктора философии Элизабет Робсон (Великобритания), Яны Джейкобсон (Великобритания), Марии Карп (Великобритания), доктора литературоведения Татьяны Викторовой (Франция) и Дмитрия Лисицына, директора Православного Университета отца Александра Меня. Немалый вклад в создание этой книги привнесли предоставившие для настоящего издания фотографии Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского» и Александр Буров. Приношу также искреннюю благодарность всем авторам, которые с такой готовностью откликнулись на мою просьбу поделиться своими воспоминаниями об отце Сергии и том общем служении Церкви и обществу, которое их сближало.

*Фаина Янова,
составитель и редактор*

Список авторов

Сэр Джон Тавенер, композитор, ныне покойный.

Архиепископ Кентерберийский (2003–2012)
д-р Роуэн Уильямс.

Энди Шервуд, староста и регент прихода Рождества
Христова в Льюисе (бывшего прихода о. Сергия).

Протоиакон Петр Скорер, диакон церкви св. про-
рока Илии в Девоне (Великобритания). Работал
преподавателем на кафедре русистики в Девон-
ском университете. Внук С. Л. Франка.

Татьяна Викторова, доцент сравнительно–историче-
ского литературоведения Страсбургского универ-
ситета имени Марка Блоха.

Ольга Седакова — поэт, Москва.

Протоиерей д-р Колин Дэйви (ныне покойный),
бывший англиканский священник, был секретарем
Британского Совета Церквей по экуменисти-
ческим делам и координационным секретарем по
церковной жизни Совета Церквей Великобрита-
нии и Ирландии. Он также в течение многих лет
служил членом, а затем и секретарем англиканских
и православных совместных доктринальных дис-
куссий (с англиканской стороны).

Отец Ричард Прайс, доктор философии, преподаватель церковной истории в колледже Хитроп Лондонского университета.

Роджер Хоман, почетный профессор религиоведения Брайтонского университета.

Д-р Берилл Уильямс, почетный профессор истории Сассекского университета.

Тереза Черфас, выпускница Сассекского университета факультета русистики, продюсер документальных фильмов на темы России и бывшего СССР.

Георгий Кочетков, священник РПЦ.

Питер Юделл, глава Европейской и Русской Службы Би-Би-Си в 1980–1990–е годы.

Мария Карп, журналист, литературный критик, переводчик. Работала редактором отдела тематических передач (1997–2009), а до этого продюсером (1991–1997) Русской Службы Би-Би-Си в Лондоне.

Анна Шмаина–Великанова, религиовед, специалист по истории раннего иудаизма и христианства, переводчик. Москва.

Д-р Эдвард Кесслер, действительный член колледжа св. Эдмунда в Кембридже, директор института «Вульф» — центра по изучению отношений между иудеями, христианами и мусульманами.

Татьяна Вольтская, поэт, журналист. Санкт-Петербург.

Д-р Себастиан Брок, специалист по Септуагинте и переводам текстов святых Исаака Сирина и Ефрема Сирина. 14 лет назад открыл неизвестные до-

селе тексты Исаака Сирина и перевел их с древне-сирийского языка на английский. Член редакционной коллегии журнала «Соборность».

Елена Камбурова, заслуженная артистка России, основатель Московского Театра Музыки и Поэзии.

Георгий Эдельштейн, священник РПЦ села Караба-ново Костромской области.

Анита Эдельштейн, преподаватель английского языка (жена отца Георгия Эдельштейна). Кострома.

Самуил Лурье, литератор, эссеист. Санкт Петербург.

Фаина Янова, продюсер и презентор 1990–2009 гг. (с 2005 по 2009 — редактор) религиозных передач Русской Службы Би-Би-Си (радиожурналов «Воскресение» и «Время и век»).

Вместо предисловия

Первого мая 2004 года в Париже было проведено прославление пяти праведников русской эмиграции в Западной Европе.

Я попросила отца Сергия Гаккеля поделиться его размышлениями о святости. Говоря о канонизации преподобомученицы матери Марии (Скобцовой), о. Сергей сказал, что святость познается всем церковным телом. Это не какой-то атрибут, который передается одной инстанцией другой. Святой человек проявляет свою святость всем своим существом, жизненным подвигом своим. Бывают внешние проявления этой святости, и с ними легче считаться. Все зависит от внутреннего состояния святого, от того, что делает данного человека «преподобным», похожим на Христа, ибо, по словам апостола Павла: «Святой пришел в меру возраста полноты Христовой». В первую очередь, с самых древних времен Церковь почитала мучеников, которые полагали свою жизнь за веру, и тем самым являлись ее «свидетелями». Греческое слово «мартирIOS» так и переводится — «свидетель». Готовность умереть за Христа считалось верным, и даже достаточным проявлением святости данного праведника. Вскоре появились другие категории святых, и по их жизнеописаниям видно, что их близость к Богу проявлялась в чудотворениях. По мне-

нию о.Сергия это не значит, что без совершения чудес невозможна святость. Близость к Богу уже сама по себе — чудо. Даже если патриарх московский Тихон Белавин не творил явных чудес, кто может сказать, что он лишен святости? Таким образом, совершаются чудеса или нет, честна пред Господом смерть преподобных Его.

Фаина Янова

ВСТУПЛЕНИЕ

Я никогда не забуду отца Сергия. Мне не хватает его как человека, как священника, как ученого и как чудесного талантливового и вдохновляющего соавтора. Он любил музыку, с ним когда-то работал Бенджамин Бриттен. Я работал с ним над моей аранжировкой русского текста «Реквиема» Ахматовой — он подолгу раздумывал почти над каждым русским словом, над его смыслом и звучанием. Это вдохновило меня на особый русский аскетизм, особую русскую суровость музыки. Как священник, он был единственным настоящим исповедником из всех, кого я когда-либо знал. Он точно, часто с юмором реагировал на то, что я говорил на исповеди, и всегда мучительно старался рассматривать проблему и с метафизической точки зрения, и как священник, и в человеческом и психологическом плане. Ясно, что такие люди, а тем более такие священники, как отец Сергий, встречаются редко, и на мою долю выпала честь быть его другом, духовным чадом, прихожанином и соавтором.

Отец Сергий действительно был во всех смыслах глубоко русским, но одновременно воистину европейским человеком, человеком европейского Возрождения. Вечная ему память.

Сэр Джон Тавенер

АРХИЕПИСКОП О СЕРГИИ ГАККЕЛЕ

*Краткое слово архиепископа Кентерберийского
доктора Роуэна Уильямса 1 мая 2005 года
в благодарную память
о священнике Русской Православной Церкви
отце Сергии Гаккеле*

Мое первое воспоминание об отце Сергии связано с его приездом в Кембридж в мои студенческие годы, когда он присутствовал на Литургии в малом храме Девы Марии, где я пел в церковном хоре. В памяти осталось не только кроткое величие его священнодействия во время Божественной Литургии, но и краткая проповедь, к которой я возвращаюсь тридцать пять лет спустя. Как я понял впоследствии, это было очень характерное слово, безо всякой излишней сентиментальности, отточенное по форме, ясное, простое и сильное толкование Евангелия, которое читалось в тот день на Литургии — притчи о гадаринском бесноватом. Он обратил особое внимание на конец этой истории, когда местные жители потребовали от Иисуса, только что сотворившего чудо, чтобы Он ушел. Какое бы сильное впечатление ни производили на нас чудеса Иисуса, — говорил отец Сергий, — подспудно Его присутствие кажется нам опасным и разрушительным; мы боимся, что Он еще больше изменит привычный нам ход вещей и что нам это дорого обойдется, как и незадачливым владельцам гадаринских свиней.

Сдержанная строгость и ирония в духе Достоевского, проявившаяся в отношении к чуду, характерны для богословия, родившегося из опыта рус-

ского зарубежья XX века. В частности — в его наиболее радикальном и (в широком смысле) евангельском проявлении в парижской общине в годы между двумя мировыми войнами. Книга отца Сергия о матери Марии Скобцовой даже теперь, когда доступны достаточно глубокие исследования и документы, остается лучшим материалом на английском языке, повествующем не только о судьбе самой матери Марии, но и всего ее замечательного окружения. Кажется уместным сказать, что мое последнее зрительное воспоминание о нем — это его фотография на церемонии канонизации матери Марии и ее сподвижников, где он был одет в фелонь, вышитую новопрославленной святой.

За прошедшие годы наши пути несколько раз пересекались, всегда к моей великой радости, даже когда он призвал меня к ответу (вполне справедливо) за довольно поверхностное суждение об одном средневековом русском религиозном тексте, опубликованном в *The Times Literary Supplement*. Мы вместе отбирали материалы для журнала «Соборность», периодически переписываясь, и с интересом и энтузиазмом наблюдали постепенное, хотя и несколько запоздалое, появление на свет современного русского религиозного мышления как уважаемой академической дисциплины. Его вклад в диалог между Русской Церковью и культурным и религиозным миром за пределами России я осознал не сразу, но со временем — все больше и больше. Он отстаивал православное присутствие и свидетельствовал о том, что оно не было ни архаизмом, ни фольклорной причудой и не имело ничего общего с историческими предрассудками и суевериями. Когда-нибудь появится книга, написанная русской диаспорой, ве-

душей диалог с Русской Церковью и с новой живой русской интеллигенцией в годы распада старой советской системы. В этой книге имя отца Сергия будет стоять в одном ряду с именами митрополита Антония Сурожского и отца Александра Шмемана (какими разными были все трое!).

В советский период это было далеко не простое поле деятельности; не стало оно легче и в постперестроечное время. Но видеть, как трудится на этом поле отец Сергий, означало видеть глубину честности и нравственной целостности, которые никогда не были мотивированы агрессивным самодовольством, но, вместе с тем, устанавливали четкие границы.

Я откровенно им восхищаюсь, я был согрет его человечностью, очарован его умом и отсутствием самомнения. Для меня очевидно, что он — неотъемлемая часть той традиции, о которой свидетельствует его книга о матери Марии, традиции православия, не боящегося современности, с четкой сакральной дисциплиной, с которой однако соседствует не укладывающаяся ни в какие схемы божественная любовь. Вечная ему память.

Роуэн Уильямс

ОН БЫЛ ПО-НАСТОЯЩЕМУ СМИРЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Это был Человек с большой буквы. Святой человек. Человек, не приемлющий фальши, пустых слов. Ученый, он не кичился своей эрудицией, и всегда тщательно готовился к каждому выступлению, даже в самых незначительных случаях. И то, что он говорил, всегда было из глубины сердца.

Он свято верил, что конфликты можно решать мирным путем, верил в возможность примирения, будь то примирение христиан с иудеями, или христиан с христианами, или верующих с неверующими. Он бы страстным противником предрассудков, поистине, для него не было «ни эллина, ни иудея».

Отец Сергей был нашим пастырем в буквальном смысле этого слова. Это был священник, который всегда заботился о своем приходе, любил своих прихожан, и который ни разу, на моей памяти, ни о ком не сказал плохого слова, разве что иногда с юмором говорил о человеческих слабостях, и никогда не отвечал, если его в чем-нибудь несправедливо обвиняли. Он был по-настоящему смиренным человеком.

В течение более тридцати лет он нас крестил, исповедовал, венчал, хоронил и проповедовал. Он был замечательным проповедником. Его слово всегда было вдохновенной импровизацией на евангельскую тему, поучением, путеводителем в нашей хри-

стианской жизни. А сам он сомневался: «Хорошо ли сказал?» И мне жаль теперь, что мы, по нашей английской сдержанности, почти никогда не говорили ему, как важно было для нас то, что он сказал в это воскресенье. Или в прошлое...

Я назвал его святым человеком, но это не значит, что он был святошей. Он любил шутку, у него было замечательное чувство юмора, эта искорка смеха в глазах. Когда он приходил в гости, с ним всегда было очень весело. Он любил музыку, особенно джаз. И он никогда не старался нарядиться — ему это было совершенно не нужно, хотя в облачении выглядел прекрасно.

Ему было замечательно исповедоваться: он так умел слушать, с таким уважением относился к чужой жизни, так уважал чужой труд.

Мы могли обратиться к нему за помощью в любую минуту — он никогда не отказывал, как бы занят он ни был. Но это далеко не все: я знаю, что он много делал того, что нам даже не было известно. Например, была одна молодая семья, эмигранты, у которых погиб ребенок в автомобильной катастрофе. Отец Сергей первым оказался в больнице, чтобы позаботиться о родителях и заплатить за их разные нужды, за которые они тогда заплатить не могли. Он всегда был первым у ворот тюрьмы, когда туда попадал человек, говорящий только по-русски. Он делал великое множество такого, о чем не знал никто, потому что он никогда об этом не говорил. Ему бы и в голову не пришло рассказывать об этом!

Энди Шервуд

ЛОЯЛЬНЫЙ ОППОЗИЦИОНЕР

Я знал отца Сергия еще с раннего детства: в Берлине до войны его родители были хорошо знакомы с моими дедушкой и бабушкой — Семеном Людвиговичем и Татьяной Сергеевной Франк. А мать отца Сергия Александра Семеновна преподавала у нас в воскресной школе в Лондоне. Потом она приняла постриг и стала матерью Алексией. Она часто заходила к нам в дом, дружила с бабушкой. С отцом же Сергием мы не так часто встречались из-за разницы в возрасте. На отпевании отца Сергия владыка Василий назвал его совестью нашей епархии.

Он был, выражаясь английской парламентской терминологией, лояльным оппозиционером, т.е. верным и преданным своему архиерею и Московской Патриархии, но, тем не менее, смело высказывался по целому ряду вопросов и тем самым часто вызывал неприязнь по отношению к себе у более консервативных, более клерикальных элементов церковной иерархии. Он напоминал всем, что дело христианина — это не построение великодержавной церковной организации, а смиренное и жертвенное служение ближнему.

В 1960 году Владыка Антоний послал его, меня и еще несколько человек из Англии в так называемое паломничество в Советский Союз по приглашению

Московской Патриархии. Отцу Сергию было тогда лет 29, а мне всего 18. За два года до этого Владыка Антоний рукоположил его в дьяконы. 1960 год, как всем известно, был уже вторым годом усиленного гонения на Церковь. Хрущев хотел искоренить религию. Храмы закрывались, было много арестов среди духовенства и мирян. А цель поездки была нам ясна: побывать в России, вернуться домой и всем рассказать, что никаких гонений нет, что Церковь процветает. Нас возили по всяким храмам Москвы, в Ленинград, в Псково-Печерский монастырь. Из отдела внешних сношений назначили нам гида — красивого, красноречивого молодого священника. Бедный, понимал ли он, что вся ложь, которую он должен был выкладывать нам с утра до вечера в течение 8–9 дней, на нас не подействовала, как ожидалось?

Мы не только знали, что происходило в Советском Союзе. Сколько раз к нам приходили простые верующие и храбрые священники и просили рассказать там, на Западе, на свободе, какие храмы закрылись, какое гонение было на Церковь. Последний день оказался самым трудным. Для нашей небольшой и скромной группы был устроен огромный пир. После роскошного обеда и многих тостов пошли речи. Пелись дифирамбы государству, без щедрости которого не было бы ни одного храма, ни одной свечи, ни одной просфоры. То же самое повторялось со стороны того государства, которое уже второй год пыталось искоренить остатки религии в стране Советов. И надо было ответить со стороны нашей делегации. Отец Сергей, как единственный в нашей группе в сане, был нашим руководителем. Он ко мне очень нервно повернулся, был в страшном смущении: «Как мне ответить? Что же я могу сказать?» Он

боялся, что если скажет, что было у него на сердце, то может повредить Церкви, но лгать он тоже не мог. Он встал и довольно кратко повторил то, что было уже сказано, прибавил, поблагодарив наших хозяев за гостеприимство, что мы действительно много видели и много поняли. Больше он уже сказать не мог. Мне кажется, что глубоко переживаемое впечатление от этого паломничества навсегда врезалось в его сердце.

Он считал своим долгом развивать видение митрополита Антония, для которого Сурожская епархия являлась свободной частью Русской Церкви за рубежом.

Я бы сказал, что вторым, определяющим моментом его мировоззрения, являлось глубокое почитание матери Марии Скобцовой. Она для него олицетворяла истинное евангельское видение христианства: жертвенная отдача себя ради ближнего, сострадание, милосердие, любовь.

Пятнадцать лет тому назад была создана по благословению митрополита Антония благотворительная организация фонда святого Григория для помощи нуждающимся в России и бывшем Советском Союзе. Вскоре после этого отец Сергей был приглашен в качестве председателя. Несмотря на свою занятую жизнь — ведь он был и приходским священником, и преподавал в университете, издавал журнал «Соборность», участвовал во многих разных комитетах — он все-таки в течение 10 лет каждый второй месяц приезжал на заседание исполнительного комитета фонда. Надо было решать, куда распределять деньги, на какие нужды, кому отправлять гуманитарную помощь. Он был удивительно чутким, доброкачественным и совестью председателем. И всегда

выискивал тех нуждающихся, которые не имели никакого покровительства, никакой помощи. Он часто бывал в Москве, и там к нему обращались люди с просьбой о помощи: священники, миряне, которым он обещал поднять вопрос на заседании нашего комитета.

Для меня лично отец Сергей был хорошим другом. В течение последних 10 лет я часто его встречал. Он иногда приглашал меня на интервью по службе в Би-Би-Си. За два года до его кончины нас пригласили из Оксфордского колледжа в Кингсколледж записать на пластинку исполнение литургии Рахманинова. Мы тогда жили в гостинице несколько дней, и он мне много-много рассказывал. И я понял, до чего это жизнерадостный, чуткий и честный человек.

Не зная того, отец Сергей Гаккель скончался в день прославления новых мучеников, которые погибли вместе с матерью Марией — отца Дмитрия Клепнина, ее сына Георгия и Ильи Фондаминского.

Протоиакон Петр Скорер

КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

«Камень преткновения» для многих при жизни, мать Мария в большей степени, быть может, стала таковым после смерти, с уходом близких и тех, кто мог непосредственно свидетельствовать о ней. Ее мать Софья Борисовна Пиленко с горечью вспоминает о порой сознательном замалчивании или искажении ее наследия. Пытаясь сохранить созданное дочерью, Софья Борисовна передает иконы матери Марии в приход церкви на Лекурб, связанный с Лурмельской церковью узами давней дружбы, расшифровывает и переписывает наспех записанные сочинения матери Марии. В итоге, не находя места для архива дочери в Париже, она передает его существенную часть своему другу Марку Вишняку в Бахметьевский фонд (США). Эту трудность вполне предвидела сама мать Мария, когда писала в 1937 году в записной книжке: «Меня мучает, что даже среди самых близких чувствуется стена...».

Отец Сергей Гаккель (1931–2005), сын русских эмигрантов, настоятель православного прихода Сурожской епархии в Льюисе, доктор философии, литературовед, историк церкви, профессор Сассекского университета (University of Sussex) — один из первых, последовательно разрушавший эту стену.

Он осознавал, что наследие матери Марии необходимо собирать и передавать последующим поколениям, к которым она обращается в своих пророческих предвидениях о судьбах человека и Церкви. Побывав в 1960–е годы в Париже, отец Сергей познакомился с сотрудниками и близкими матери Марии. Он был свидетелем разрушения особняка на Лурмель (он вспоминал, как «вещи выбрасывались из окна, кое-какие рукописи и работы <...> поднимал прямо с улицы»). Пытаясь сохранить и объединить оставшиеся части архива, глубоко войдя в ее сочинения, отец Сергей берется за труд описать жизнь матери Марии, и в процессе работы становится ее учеником. Подобно св. Афанасию Великому, написавшему житие Антония Египетского, или отцу Софронию, рассказавшему о прп. Силуане, отец Сергей шел по стопам матери Марии, высвечивая ее образ и деяния по ее писаниям и по рассказам матери Елизаветы (Медведевой), продолжившей *Православное дело* после войны; Тамары Федоровны Клепининой, вдовы отца Дмитрия Клепинина; Федора Тимофеевича Пьянова, единственного, вернувшегося из лагеря после ареста лурмельской группы. Помимо этого, отец Сергей вступает в обширнейшую переписку с Борисом Владимировичем Плюхановым, одним из руководителей РСХД на родине матери Марии, получает сведения из Америки от семьи Шидловских, от отца Александра Шмемана, из России от И.А. Кривошеина, А.А. Угримова и мн. др.

Книга *One of Great Price. The life of Mother Maria Skobtsova, Martyr of Ravensbrück*¹, появившаяся

---

¹ «Величайший дар. Жизнь матери Марии Скобцовой, Равенсбрюкской мученицы» (прим. пер.).

в 1965 году с предисловием С.Б. Пиленко, вскоре переведенная на немецкий (*Die größere Liebe*¹) была высоко оценена в парижских эмигрантских кругах и в особенности «Обществом друзей матери Марии», объединившим широкий круг лиц, продолжателей ее дела. Им, «дерзнувшем “ходить по водам” основателям Православного Дела и сподвижникам их» посвящает отец Сергей второе переработанное издание книги (*Pearl of great price*²), изданное в 1981 году на русском языке в парижском издательстве YMCA-Press (второе издание, значительно дополненное автором, появилось 10 лет спустя). Переведенная в это время на многие языки, книга вызвала широкий европейский резонанс: в частности, по немецкому изданию в 1967 году режиссером *Westdeutsche Rundfunk*³ был создан содержательный фильм, а годом позже немецкая телекомпания WDR, под руководством Эберхарда Курау, приступает к съемке документального фильма *Meine Zelle heißt Welt* («Моя келья — мир»). Отец Сергей сопровождал операторов в поездке по Парижу: благодаря его посредничеству ранее собранные им свидетельства, включенные в книгу, зазвучали живыми голосами. Этот фильм, долгое время считавшийся утерянным, в момент интенсивной подготовки данного собрания сочинений, сконцентрированного вокруг архивов отца Сергея, воскрес из небытия в 2002 году: отец Сергей вновь связался с немецкой телекомпанией и в ответ неожиданно получил копию. Так появились

---

¹ «Величайшая любовь» (прим. пер.).

² «Драгоценная жемчужина» (прим. пер.).

³ «Западногерманское радиовещание» — немецкая телерадиокомпания (прим. ред.).

«зазвучавшие вновь» голоса Д.Е. Скобцова, матери Елизаветы Медведевой, Ф.Т. Пьянова, С.М. Зерновой, а также кадры, заснятые в лурмельской церкви, крупным планом выявляющие неизвестные ранее иконы матери Марии, — словом, фотодокументы, позволяющие заново связать отдельные факты ее творческой и жизненной биографии.

Книга, лаконично названная отцом Сергием «Мать Мария», — серьезная, точная в изложении фактов и выборе слов, — остается лучшим из написанного о ней введением и посвящением широкого читателя в духовный мир матери Марии. Общаясь с ее близкими, отец Сергей почувствовал особую близость матери Марии к Богу, то высшее, что открывалось через нее окружающим и продолжает открываться через ее сочинения. Парадоксальным образом, для матери Марии это божественное откровение раскрывается через человека.

Именно этот образ, в котором отец Сергей различает особый тип святости, — познание Бога через людей и общение с Богом через них, — освещается в его книге. Это не исключает мистического вдохновения (именно о «мистике человекообщения» говорит мать Мария в своих сочинениях как об очевидной и ежедневно практикуемой реальности). С точки зрения отца Сергия, мать Мария показывает, что жизнь монашествующего и каждого христианина основана не всегда и не только на молитве. Этому находят основания уже в первохристианские времена, к которым она приближается, переживая христианский опыт «как огонь»: и «если мир горит, можно ли остаться в стороне, не сгорать вместе с ним?»

Отец Сергей почувствовал необходимость прославления матери Марии, которое фактически уже

совершалось как «доброе свидетельство от внешних» (1 Тим, 3:7) во многих православных приходах Западной Европы, и как признание в отдельных церковных кругах: так, митрополит Антоний Блум, экзарх Патриарха Московского, хорошо знавший жизнь на Лурмель, пишет в предисловии к книге отца Сергия: «мать Мария — святая нашего времени и для нашего времени»¹. Приходской совет церкви в Лююисе, где настоятелем был о. Сергий, уже в 1990-х годах высказал пожелание переименовать его — в случае ее прославления — в храм матери Марии.

Последующие события подтверждают это признание, ставшее официальным. Им предшествует длительная кропотливая работа отца Сергия по подготовке материалов к канонизации матери Марии и ее сподвижников: отца Дмитрия Клепинина, сына Юры и Ильи Фондаминского, при деятельной помощи Елены Дмитриевны Аржаковской-Клепининой в Париже, движенцев и московских прихожан. (Так, отвечая на анкету Вестника РСХД в связи с тысячелетием крещения Руси, Анна Шмаина-Великанова на вопрос «какого еще не явленного святого следовало бы Церкви предложить всенародному почитанию?» говорит о необходимости прославления матери Марии²).

Памятно, как радовался отец Сергий, когда во время одной из бесед с Патриархом Константинопольским Варфоломеем, вновь коснувшись темы канонизации, патриарх, знакомый с ее жизнью по книге отца Сергия, вышедшей незадолго на греческом языке, весело поддержал: «Why not?» — не осо-

---

¹ *One, of Great Price*. London, 1965, p. VIII.

² Вестник РСХД, № 152, 1988, с. 105.

бенно обязывающая, но вполне многообещающая фраза.

Решение Священного Синода Константинопольского Вселенского патриархата о канонизации пяти новомучеников было объявлено в Париже 11 февраля 2004 года. Отец Сергей, прибывший в июне в Париж на торжественное богослужение с владыкой Василием (Осборном), сослужил в облачении, вышитом матерью Марией и бережно им хранимом, которое он одевал лишь по большим праздникам. Этот праздник, несомненно, стал исполнением его предельных чаяний. Год спустя 9 февраля 2005 года в день рождения отца Дмитрия Клепинина, неразрывно связанного для него с матерью Марией подвигом жизни и преодоления смерти, отец Сергей скончался от инфаркта: основной труд его жизни был доведен до конца.

Так автору книги «Мать Мария» довелось произнести и слово о «Марии, преподобномученице Парижской»¹. Открывая эту новую страницу биографии матери Марии — новую главу своей книги, отец Сергей пишет в связи с гибелью новопрославленной «за други своя»: «В таком предстоянии Богу — суть подлинной молитвы, в которой поминаются и все и вся», и приводит строки из ее стихов:

О, Господи, я не отдам врагу
Не только человека, даже камня.
О имени Твоем я все могу,
О имени Твоем и смерть легка мне².

---

¹ Слово, произнесенное на собрании в Парижском Богословском институте на дне памяти, посвященном Новопрославленным Русским Святым, опубликовано в Вестнике РСХД, № 189.

² Мать Мария. Стихи, 1949, стр. 41.

В этой концовке — цитате из стихотворения новомученицы, свидетельствующей, как и ее деяния, о ее святости — самая суть характера свидетельства отца Сергия, его отношения к наследию матери Марии: слово матери Марии, каким бы не было колким и неудобным — камнем преткновения — должно прозвучать в полноте. Способствовав его резонансу в Европе, блестяще переведя многие труды матери Марии на английский и немецкий, отец Сергий стремился сделать все, чтобы это слово достигло России — сокровенная мечта матери Марии, выраженная в каждой ее строке, обращенной к русским, к гонимой Церкви. Даже в концлагере она стремилась разыскать советских женщин-военнопленных. В силу многих причин, в разные периоды наследие матери Марии доходило до России частично, искаженно, романтизировано, включая последние годы, когда открылась возможность для более полного постижения ее творческого и духовного облика благодаря недавним дополненным переизданиям¹. Однако опасность одностороннего восприятия остается — мать Мария по-разному раскрывается людям, и каждый, осознанно или нет, стремится к усилению отдельного ее лика (поэтесса Серебряного века, влюбленная в Блока? первая городская голова? участница терактов? «монахиня в миру»? героиня Сопротивления? спасительница евреев?), замутняющих в итоге ее целостный облик. За полноту его восстановления отец Сергий боролся долгие годы, посвящая матери Марии программы на Русской Службе

---

¹ См. Елизавета Кузьмина-Караваева. *Мать Мария. Равнина русская*, СПб, Издательство «Искусство — СПб», 2001 (сост., вступ. ст., прим. А.Н. Шустова).

Би-Би-Си, публикуя ее тексты в возглавляемом им экуменическом журнале «Соборность», — продолжая миссию матери Марии донести в Россию голос свободной Церкви, «наш новый дух – свободный, творческий, дерзновенный»¹.

Эта борьба продолжалась вплоть до его кончины. Незабываемы его почти последние слова, сказанные во время нашего телефонного разговора в больнице: «нужно показать подлинный лик матери Марии».

Эти слова относились к готовящейся выставке художественных работ матери Марии в Санкт-Петербурге и изданию ее полного собрания сочинений в Москве, в подготовке которого отец Сергей принимал самое деятельное участие, предоставив свои архивы и написав к нему вступительное слово. Он был убежден, что это восстановление «подлинного лика» возможно лишь в том случае, если мы предоставим голос самой матери Марии, через сотворенное ею, а читателю — возможность углубленного диалога с ней.

Татьяна Викторова

---

¹ Мочульский К.В. «Из воспоминаний о матери Марии», Третий час, 1946, с. 25.

ЧТО Я МОГУ ВСПОМНИТЬ ОБ ОТЦЕ СЕРГИИ?

Первое и уже не меняющееся впечатление об о. Сергии Гаккеле — скромный, благородный, глубокий человек. Если позволено будет так сказать, человек уверенной веры: уверенность в вере, какая-то ее внутренняя удостоверенность выражается в том, что для человека это уже не тема мысли и разговора, не предмет созерцания, не то, на что он смотрит, — а сама его точка зрения, с которой можно смотреть на другие предметы, сами его глаза.

Проповедью внимания и уважительной любви к человеку был его взгляд, тембр его голоса, его интонации.

Ольга Седакова

ОТЕЦ СЕРГИЙ ГАККЕЛЬ — ХОРОШИЙ ДРУГ И ВЫДАЮЩИЙСЯ ЭКУМЕНИСТ

Отец Сергей Гаккель был достойным представителем Русской Православной Церкви в официальных экуменических организациях в Великобритании: сначала в Британском Совете Церквей (БСЦ), а затем в Совете Церквей Великобритании и Ирландии (СЦВИ). Он был очень дружелюбен со всеми, с кем общался на этом поприще, придерживался широких экуменистических взглядов по отношению к другим церквам. У меня как у сотрудника обоих органов было множество возможностей оценить его вклад в дело взаимодействия различных религиозных организаций. Я попросил четверых своих бывших коллег поделиться со мной впечатлениями об участии отца Сергея в этих Советах и личными воспоминаниями о нем. Его высокопреподобие Джон Арнольд был председателем Консультативного комитета Восточно-Западных отношений Британского Совета Церквей, а преподобный каноник Пол Ойстрайхер был секретарем БСЦ по международным делам. Преподобный Джон Рирдон был членом отдела международных отношений БСЦ, а впоследствии — первым Генеральным секретарем Совета Церквей Великобритании и Ирландии. Преподобный Кит Клементс был первым координационным секретарем по международным делам СЦВИ.

Джон Рирдон вспоминал свою первую встречу с отцом Сергием в отделе БСЦ по международным делам. «То были дни холодной войны, — писал он, — и отец Сергей регулярно принимал участие в обсуждении отношений Востока и Запада. Это был период, когда Кестонский институт повсеместно критиковал политику Советского Союза, и отец Сергей всегда способствовал конструктивным дискуссиям, защищая от критики Русскую Православную Церковь. Он никогда не поддерживал советскую линию, но ясно давал понять, что упрощенная критика советской позиции ничего не решает».

Джон Арнольд рассказывал: «Он был экспертом консультативного комитета по отношениям между Востоком и Западом. Мы часто обращались к нему за советом, и всегда небезрезультатно. Он всегда был хорошо информирован, сдержан, вдумчив, увлечен лучшими традициями своей Церкви и утраченной Родины, но мог при необходимости быть и язвительным, вынося строгие, но грустные суждения. Он сам пришел к нам, во время визита БСЦ в Советский Союз в 1986 году, накануне перестройки и гласности, перед тысячелетием Крещения Руси, которое должно было отмечаться в 1988 году; он был лоялен к группе, но вечно куда-то пропадал в попытках украдкой сделать что-нибудь хорошее».

Пол Ойстрайхер пишет: «В 1964 году меня пригласили на должность первого секретаря Консультативного комитета Восточно-Западных отношений Британского Совета Церквей. Комитет состоял из экспертов, приехавших из коммунистических стран Европы. Мой приход, как я видел, начинался в Восточном Берлине и тянулся до Владивостока. Экспертами по делам России и русских у нас были сэр

Джон Лоуренс, Майкл Бурдо и Сергей Гаккель. Холодная война была в самом разгаре».

«Как бы я охарактеризовал проблемы того периода? — продолжает он. — Нужно было сохранять баланс между приверженностью делу мира, когда угроза войны была столь реальна, и в то же время защищать гонимых и безгласных. Сделать все абсолютно правильно было почти невозможно. Кестонский институт, который отважно возглавлял Майкл Бурдо, точно знал, что он занимает позицию защиты гонимых, не взирая на экуменическую критику, которой он часто подвергался, в том числе и с моей стороны. Воодушевленный каноником Дэвидом Патонном, главным советником по внешней церковной политике Англии, я сказал себе, что следует бороться, в первую очередь, с взаимной демонизацией Востока и Запада. Я верил, что максимальное взаимодействие с коммунистическим Востоком в долгосрочной перспективе могло стать основой мирной победы над тиранией, на мой взгляд, уже не заслуживающей того, чтобы называться социализмом. Любые мысли о ее насильственном сокрушении могли привести только к полной катастрофе. И я сказал: мирные перемены возможны только через сближение, как со стороны государства, так и со стороны Церкви. Именно отец Сергей помог мне применить этот постулат к Русской Православной Церкви».

В 1986 году методистская церковь «Не странники, но паломники» вследствие процесса межцерковного слияния создала Совет Церквей Великобритании и Ирландии. В качестве вклада в межцерковную дискуссию на тему «Природа и цель Церкви в свете ее миссии» каждая участвующая в этом процессе Церковь предложила свой вариант разра-

ботки этой темы. Заявление Русской Православной Церкви гласило: «Мы верим, что есть только одна Церковь, которая есть “тело Христово”... Со смирением, но и с убеждением Православная Церковь верит, что... это — все еще та... же Церковь... Так или иначе..., мы знаем, где есть Святой Дух, но мы не можем сказать, где Его нет. Следовательно, в наших отношениях с другими Церквями мы ищем следы Духа, любви, покаяния, и мы стремимся связать “правовверных” апостольской веры, описанной в Никейском Символе веры».

На основании этого отец Сергий мог играть полноценную роль в Собраниях Представителей Церкви (СПЦ), члены которых «должны были быть достаточно влиятельными и надежными в своих Церквях, чтобы иметь возможность говорить и, в значительной степени, совершать свои действия вместе с другими Церквями», как писал Джон Рирдон. «Когда появился СЦВИ, — добавляет он, — я почувствовал, что о. Сергий стал еще более привержен своей роли на экуменической сцене, но у меня было гораздо меньше общего с ним, несмотря на то, что он некоторое время был членом СПЦ. Он всегда давал ясно понять, почему полностью поддерживает СЦВИ и какие идеи отстаивает». Православные Церкви, как и некоторые другие, приветствовали переход от БСЦ, автономного совета Церквей, выступавшего с заявлениями и предпринимавшего действия, но не несшего ответственности перед Церковью, к СЦВИ, созданному для обеспечения поддержки самостоятельных решений Церквей и их совместной деятельности».

Кит Клеменс говорит: «В моей памяти сохранились довольно яркие воспоминания нашего совместного

участия в группе обсуждения на одном СПЦ, когда мы обсуждали Неделю молитв о единстве христиан. О. Сергей удивлялся, почему она стала неделей объединенных встреч о единстве, тогда как мы в действительности молимся о Церкви, как о единой!»

«Его присутствие было столь вездесущим и всепроникающим в годы моей службы в СЦВИ, — вспоминал еще Кит, — что мне трудно определить, где именно и каким конкретно было на самом деле его участие. Он был очень преданным членом Группы Международных Отношений — они встречались ежемесячно, а он был особенно полезен как советник по вопросам Православия во время балканских конфликтов. Благодаря его работе на Русской Службе Би-Би-Си мы обрели много связей в России. Я не помню, был ли он, кроме прочего, членом моей группы поддержки, но, во всяком случае, он всегда оказывал мне поддержку. Я помню его как человека, который всегда был рядом — физически, или на другом конце телефонного провода — когда были необходимы его комментарий или совет. Не говоря уже о его личной доброте и чувстве юмора. <...> Он был, конечно, известен и в кругах Конференции Европейских Церквей и Всемирного Совета Церквей», — добавляет он.

Мои собственные воспоминания о нем как о члене СПЦ не ограничиваются лишь тем, что он был хорошим другом, всегда готовым прийти коллегам на помощь, особенно тем из нас, кто хотел центральное место в организации сохранить за молитвой и поклонением святыням, хотя мы и были обязаны сконцентрироваться на планах, проектах и мероприятиях. Я время от времени вспоминаю его и как православного священника, ведущего богослужения, в том

числе и Литургию. Отличительной чертой СЦВИ было то, что разным Церквам было разрешено по очереди проводить свои собрания или СПЦ одновременно с богослужением.

Вот еще воспоминания об отце Сергии Джона Арнольда: «Отец Сергей был весьма разносторонней личностью: священник Русской Православной Церкви, оратор, университетский преподаватель русского языка и литературы, экуменист и семейный человек в лучших традициях “белого духовенства”, в отличие от “черного духовенства”, которое монашествует и из которого избираются епископы, а Церковь тем временем лишается талантливого руководства, в то время как она отчаянно нуждается в людях, отличающихся характером, талантом и честностью. Он был членом Сурожской епархии под харизматическим руководством архиепископа Антония (Блума), и он сильно пострадал, когда характер епархии в 1991 году изменился с притоком советских граждан, которые воспользовавшись ситуацией, обнаружили тайную приверженность к православию».

«Сурожская епархия — продолжает Джон Арнольд, — была неотъемлемой, хотя и уникальной частью Московского Патриархата в период коммунистического господства, и отец Сергей чудесным образом использовал свое “двойное гражданство”: сильно ограниченная Русская Православная Церковь, с одной стороны, и свободная демократическая Англия — с другой, чтобы наладить широкую вещательную трансляцию передач, помогающих оскорбленному и униженному служить Господу своему и Учителю Иисусу Христу. Он никогда не прекращал работать: забегал на совещания и комитеты и выскальзывал, отправляясь в таинственное путе-

шествие. Писал он и говорил по-английски с едва различимым акцентом, владея при этом самым красивым литературным русским языком, и всегда был готов помочь другим. Я дорожу рукописью его проповеди на Пасху, с карандашными исправлениями и бесценными указаниями слоговых ударений, которую я, как дань его памяти, передал в Буш-Хаус».

Пол Ойстрайхер пишет: «Сергий Гаккель был моим близким и любимым другом, источником знаний и мудрости, добрым священником, обладающим теплом человечности и вечно пребывающим в поиске праведности православным христианином, чья щедрость ума и сердца сломали много стен. Когда о. Сергей приходил на встречи, как правило, опаздывая и задыхаясь, воцарялась светлая атмосфера, наполненная ожиданием его доброго всепроникающего остроумия. Он никогда никому не хотел причинить боль, но и не уклонялся от утверждения неудобных истин. Те, кто имел счастье знать его, согласятся, что его просто нельзя было не любить».

Мои собственные воспоминания о нем связаны с его щедрой поддержкой в редакторской работе в «Соборности» — журнале Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия. Я предложил ему для публикации несколько статей, в частности, статью об одном из величайших Патриархов Греческий Православной Церкви Кирилле Лукарисе и его православном «Символе веры». В редакционной статье на эту тему он писал, — возможно, вспоминая последние дилеммы православных церковных лидеров, особенно при коммунизме, — что мы можем «сочувствовать затруднительному положению патриархов семнадцатого века, таких как Патриарх Кирилл Лукарис, которому необходимы были политические

союзы с государственной властью, требовавшей от него иногда резко заменить свое “за” на “против”. Ибо, как утверждал позднее Колин Дэйви, его “за” было поразительно православным. Однако его кальвинистские проповеди предполагали кардинальную перемену точки зрения. Ни одна из них не спасла его от убийства по приказу султана Мурада IV (1638).

Джон Рирдон говорит о своем «самом ярком воспоминании, о Дне 50-летия победы над Японией, когда те из нас, кому предложили представлять Церкви, собрались в Букингемском дворце, чтобы переодеться перед богослужением, которое должно было состояться на улице, возле статуи королевы Виктории. О. Сергей и я прибыли одновременно и направились в комнату в верхнем этаже дворца, чтобы переодеться в церковное облачение. Мы подошли к окну и выглянули наружу, отодвинув тюль. Я сказал: “Японские фотографы, без сомнения, фотографируют окно, думая, что они могут увидеть здесь королеву”, — а о. Сергей ответил: “Да, и она — с бородой!”»

Для всех нас отец Сергей был хорошим другом и любимым коллегой.

Со святыми упокой / Христе, душу раба Твоего / идеже несть болезнь, ни печаль / ни воздыхание, / но жизнь бесконечная. (Русский кондак поминовения усопших)

Преподобный доктор Колин Дэйви

КАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ БЫЛ ОТЕЦ СЕРГИЙ?

Мне помнится, мы с ним были приглашены на конференцию в Айхштетте, в Баварии, в память отца Александра Меня. На неделе, перед самым нашим отъездом, случилось наводнение в Сассексе, где он жил, и были затоплены первый этаж его дома, библиотека и компьютер. Обычный человек, несомненно, отменил бы отъезд. Но не он. На его взгляд, наводнение было неудобным, но не первой важности событием; важно было то, что он обещал участвовать в конференции, что тема конференции «Память отца Александра Меня» ему была очень близка и что его ждали сотрудники, приятели. Такой приоритет, такое равнодушие к физическим обстоятельствам и жизни обнаруживает дух человека, который был истинным русским интеллигентом и глубоко верующим человеком.

Отец Ричард Прайс

ОН БЫЛ МОИМ СОСЕДОМ

Я встретился с Сергием Гаккелем в 1960-х годах, когда учился в Сассекском университете¹, и пару раз прислуживал ему в алтаре домового храма. Через некоторое время, я вернулся в Фалмер в качестве преподавателя. Когда же в 1985 году мое зрение резко ухудшилось, он убедил меня переехать в Баркомб Миллс; не последнюю роль здесь сыграло то, что оттуда можно было добираться до университета на общественном транспорте. Первый дом, который мы увидели, принадлежал непосредственному соседу о. Сергия. К нашему приезду он оказался затопленным, что вызывало у нас как у потенциальных покупателей больше беспокойства, чем у о. Сергия, который не видел в этом ничего страшного.

Баркомб Миллс представляет собой селение из тридцати трех домов на реке Уз возле города Льюис в Восточном Сассексе. Раз в несколько лет там происходит наводнение, что неизменно становится национальной новостью: прилетает вертолет, с него фотографируют крыши домов для передовиц завтрашних утренних газет. Дом о. Сергия был одним из самых уязвимых. Ему приходилось всякий раз эвакуировать цокольный этаж, а иногда и весь дом.

---

¹ В Фалмере (приим. ред.).

Как только вода попадала в дом, она ползла вверх по оштукатуренным стенам; ценные книги разбухали и застревали на полках. Отец Сергей их убирал и подвергал глубокой заморозке, чтобы можно было потом счистить превратившуюся в лед излишнюю влагу. Каждый раз он ждал восстановления книг с терпением Ноя.

Проходя через все эти испытания, о. Сергей проявлял удивительное терпение, которое чувствовалось и в беседах с ним. Я заметил это, когда навестил его в больнице за несколько дней до его смерти. О себе он волновался не боле пары минут. Состояние дома и последние медицинские сводки были отложены в сторону, чтобы мы могли поговорить об искусстве, о России, о церковных назначениях, о святынях и реликвиях, о Московской Патриархии и о музыкальных композициях Джона Тавенера. Были темы, которых мы никогда не касались, например, отпуск. Поскольку сама манера его речи была исполнена изящества, одежда никогда не становилась предметом нашего разговора — за исключением, конечно же, резиновых сапог *Wellington*.

В любой момент он мог развлечь собеседника своим запасом русских анекдотов. Был один анекдот о двух рабочих, построивших свои хижинки близко к государственной границе до того, как начал осуществляться масштабный проект строительства линии электропередач. Когда же они расспросили местных жителей, на чьей территории собирались строиться, то выяснилось, что они на пятьдесят ярдов ушли в Польшу. «Слава Богу, — сказали они. — А то мы не выдержим еще одной русской зимы». Перед лицом невзгод им явно не хватило силы его духа.

Я сменил о. Сергия в качестве председателя Общества по охране Баркомб Миллс, которое он основал. Эта организация с тех пор утратила в названии слово «охрана», однако сам основатель в свое время относился к нему более чем серьезно. Например, на тропинке рядом с «Ривер Лоун» — его домом — была огромная яма, и большую часть года она была заполнена водой. О. Сергей был против того, чтобы эту яму засыпали, так как она выполняла функцию барьера от туристов. И он сокрушался по поводу охранного освещения водохранилища, которое «уничтожило некоторые “места прекрасной темноты”».

Он любил окрестности Баркомб Миллс, несмотря на периодические вторжения реки в его дом. За несколько лет до своей смерти он стал самым давним местным жителем. Он принимал окружающую среду такой, какой она была, не желая делать ее более комфортной, удобной или опрятной. Само понятие создания нового облика он предавал анафеме.

Созданный мир был по сути своей принят им, унаследован, и он не был склонен ни бороться с ним, ни контролировать его. В этом смысле его отношение к саду, тропинкам, реке было гораздо более английским, чем французским. Дискомфорт вызывали у него результаты человеческой деятельности, последствия современных методов ведения сельского хозяйства и потеря поймы вниз по реке. Если незнакомым путникам он не слишком радовался, то лишь потому, что они оказывали на окружающую среду непосредственное влияние, самым ярким примером которого можно считать несанкционированное сбрасывание мусора в реку или необходимость нарезания земли под автостоянку. Я не знаю, проповедовал ли он когда-либо что, как я думаю, воплощает

библейское осуждение использования мира в своих корыстных интересах: «Моав — умывальная чаша моя» (Пс. 59:10).

Мы обладали определенным физиономическим сходством, хотя я был выше него ростом. Эта путаница нас всегда развлекала. Как-то он ждал автобуса на трассе А26, и один из моих учеников остановил машину и спросил: «Вы едете в университет, Роджер?», — на что он ответил: «О, да, очень мило с Вашей стороны!», — и лишь усевшись в машину, объяснил, что он не Роджер. Его, русского священника, путали со мной, англичанином и англиканином, на основании нашего внешнего сходства. Когда он умер, меня как-то остановили в городе с соборознованиями: «Нам было так жаль услышать о смерти Вашего отца, Роджер; он был такой прекрасный джентльмен!»

Эти случаи путаницы, вызванной нашим сходством, были неиссякаемым источником шуток, которыми были пронизаны разговоры с ним. Он говорил по-английски чрезвычайно точно и без особых затруднений: если и была хоть какая-то двусмысленность в том, что он говорил, он замечал это прежде своего собеседника и либо подтверждал, либо отрицал сказанное в зависимости от контекста.

И хотя тон наших бесед был шутовым, мне очень не хватает сегодня их диапазона, глубины и возможности насладиться его мудростью. Незадолго до его смерти я писал книгу о религиозном искусстве, и для меня было большой честью услышать его мнение о разделах, посвященных византийскому искусству и иконописи. Основное положение этой книги заключается в том, что мы рассматриваем христианское искусство, прежде всего, как выражение мо-

литвы. Затем, в эпоху Возрождения предметы христианского искусства были разграблены; их коллекционировали такие люди, как Медичи, которые (благодаря таким историкам искусства, как Вазари), определяли их ценность в соответствии с виртуозностью художника. Эта точка зрения в отношении западной традиции, еще не совсем ясно разработанная, была развита мною с большей уверенностью под попечительством о. Сергия: иконы не должны выставляться на выставках, но должны быть лбызаемы и почитаемы в храмах. Икона — не товар, но помощь в обретении благочестия. Поэтому он отказался посещать такие крупные выставки в Лондоне, как «Искусство Святой Руси» в Королевской академии, и выражал весьма смешанные чувства в отношении Третьяковской галереи. В конце концов, икона — это душа церкви, и изъятие ее для выставки в галерее или под предлогом сохранения является ее секуляризацией.

Молитва святого Франциска Ассизского включает прошение скорее понять, чем быть понятым. Такова была экуменическая позиция отца Сергия. Обычай и традиции его собственной религии были временами так же мало поняты, как и его стремление сохранить нетронутой свою деревню Баркомб Миллс. Местный римско-католический священник попросил меня убедить его отчистить его кадило средством для чистки меди Brasso. На самом деле кадило это было изделием византийских мастеров. Считалось, что оно — самое древнее и наиболее почитаемое из всех, какими пользовались в современной Англии. Со своей стороны, он относился к другим традициям, например, к моей, с большим уважением. Когда Роуэна Уильямса выбрали архиепископом Кентер-

берийским, он брал у меня интервью для Русской Службы Би-Би-Си, и из его вопросов было видно, что мы желали бы отпраздновать назначение в соответствии с православной традицией. Был и такой случай, когда ныне покойный архиепископ Бирмингемский пришел к нам на ужин: мы знали друг друга более тридцати лет, но отец Сергей опустился перед ним на колени и с глубоким благоговением поцеловал его кольцо. Каждый из нас предложил другому прочесть молитву перед трапезой.

В течение нескольких лет до 1993 года прихожане отца Сергея собирались на воскресную Литургию в одной англиканской церкви — церкви святого Варфоломея в Спитхёрсте. Когда ее закрыли, православная община переехала в храм Св. Томаса в Льюисе. К русскому присутствию в сельской местности Сассекса относятся с теплым и ласковым почтением, хотя его и не всегда отождествляют с христианским миром. Вот, например, какую сплетню я слышал в деревенском магазине: «Я видел — продают дом раввина».

Выделяющаяся на общем фоне могила матери отца Сергея была на протяжении долгих лет одним из самых известных памятников на погосте церкви Св. Девы Марии, как и ныне могила отца Сергея, который похоронен там же.

Мне по-прежнему не хватает его остроумия и мудрости. Особенно когда я пишу, — я не могу больше посоветоваться с ним касательно некоторых смелых идей, которые он чаще одобрял, чем отвергал. Я также скучаю по его поздравительным открыткам, написанным его удивительным почерком, представлявшим собой своеобразный курсив, где тонких вариаций вертикальных штрихов было достаточно,

чтобы предположить, где должны быть штрихи горизонтальные. Это было в его характере — оставлять место для воображения. Даже через столько лет после его смерти мне радостно слышать отзвук его метких словечек, которые приходят на память, развлекая и поддерживая меня в трудную минуту. И в этом отзвуке я слышу улыбку его голоса.

Да почиет в мире!

Роджер Хоман

СЕРГИЙ ГАККЕЛЬ И САССЕКСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 1964–1988

Сассекский университет был первым из новых университетов, созданных в 1960-е годы. Он открылся в 1961 году, и в основу его был положен совершенно особый подход к образованию. Отец Сергей Гаккель стал читать там лекции в 1964 году. Позднее он получил должность преподавателя русского языка на факультете изучения истории и языков европейских стран. В том же году Дэвид Дэйкс издал сборник эссе под названием «Идея нового университета», в котором предлагалась новая модель обучения. Впервые со времен до Первой мировой войны университет был основан с нуля, причем ему было дано право присваивать ученые степени и возможность, как выражались его отцы-основатели, «перекроить карту обучения». Джон Фултон, первый проректор университета, Аса Бриггс и другие «отцы-основатели» были полны решимости порвать с лондонской системой университетского образования. В новом университете в Сассексе вместо кафедр — даже слово «кафедра» никогда не использовалось — предлагалось ввести предметы, сгруппированные по темам, а основной структурой должен был стать факультет изучения такой группы предметов. Это означало, что студенты половину учебного вре-

мени будут изучать избранный ими основной предмет, но изучать его в контексте других учебных курсов, связанных с этим основным предметом, а также с проблематикой выбранного ими факультета. На первом, подготовительном курсе все студенты гуманитарных факультетов (изучение точных и естественных наук выглядело несколько по-другому) проходили введение в историю, философию и литературу, после чего и факультет, и основной предмет можно было поменять. Обучение на гуманитарных факультетах проводилось в форме практических занятий для групп из двух студентов и небольших семинаров для студентов последних курсов. На каждые 8 студентов приходился один преподаватель. Посещение лекций было необязательным, однако лекции читались и пользовались популярностью.

Первыми гуманитарными факультетами в университете были факультеты изучения культуры и истории Англии и Америки, а также культуры, истории и социологии Европы. Вскоре их дополнили факультеты изучения Африки и Азии, которые впоследствии стали называться факультетами изучения культурной и общественной жизни. Факультет культуры и истории Европы впервые в Великобритании предпринял попытку комплексного исследования Европы.

Мартин Уайт, первый декан факультета, строил его по образцу Оксфордского университета и за основу брал изучение истории мысли. Студенты здесь, как и на всех факультетах, выбирали основной предмет, а затем принимались за изучение контекстуальных курсов. Первоначальный план Мартина Уайта заключался в том, что все студенты, независимо от их специальности, будь то язык, история или поли-

тика, будут проходить контекстуальные курсы в диапазоне от античности до Варшавского договора, для изучения европейской цивилизации в ее целостности. Но факультет изучения Европы (сокращенно Евро) первым сделал обязательным для всех студентов изучение языка, и ввел четырехлетний курс обучения языку, причем третий год обучения студенты проводили в Европе. Поначалу студенты изучали французский, немецкий и русский языки, позднее — итальянский, некоторое время — латынь, и, наконец, был добавлен испанский язык. Робин Милнер-Галланд, введя в 1962 году русский язык, подчеркнул тем самым, что Европа охватывает как Восток, так и Запад. К 1965 году на факультете было пять преподавателей русского языка и литературы (потом их уже никогда столько не было), наряду с историком и — позднее — экономистом, читавшими курсы по основным русским предметам и общеевропейские контекстуальные курсы по широкому диапазону вопросов. Основной предмет, сначала названный русским, был затем переименован в изучение России, потом в изучение СССР, а потом снова стал именоваться изучением России.

Начальные, или, как они назывались, контекстуальные курсы на факультете включали перевод, введение в историю и философию, а также великие Сассекские нововведения: курсы «Современная европейская мысль» и курс «Европейские традиции», позднее получивший название «Основы». В программу обоих этих курсов входило изучение ключевых авторов и текстов. «Русские основы» стали особым, по-настоящему новаторским курсом, потом появился курс «Становление современной Европы». Европейский факультет менял свою контекстуаль-

ную модель чаще всех других факультетов. Изучение широкого спектра курсов, а не только своего собственного предмета, интеллектуально стимулировало и студентов, и преподавателей.

Таково было положение дел, когда в Сассекский университет пришел отец Сергей. Там было необыкновенно интересно работать, и преподавательский состав становился все более интернациональным. В 1960–1970-х годах университет обогатился учеными из восточноевропейских стран: Мари Ягода, Тибор Барна, Ганс Хесс, Зев Барбу, а в 1967 году профессором сравнительного литературоведения университета стал Эдуард Гольдштюкер, который во время Пражской весны был министром культуры Чехословакии в правительстве Дубчека. В университете проводились конференции, посвященные событиям в Чехословакии и Парижской коммуне, на территории кампуса были открыты исследовательские институты, привлекавшие зарубежных ученых, и расширявшие научные горизонты преподавателей и студентов. Исая Берлин, которого Робин и отец Сергей знали еще по Оксфорду, в первые годы существования университета был своего рода наставником русской группы. Он был частым гостем в университете, и на его неповторимых лекциях аудитории были всегда заполнены до отказа. В 1979 г. он получил в университете году почетную ученую степень. Почетные степени были присвоены и некоторым другим русским деятелям науки и искусства, посетившим университет: в 1970 году — Мстиславу Ростроповичу, через которого отец Сергей передал привет Александру Солженицыну, в 1973 году — Виктору Шкловскому, и в 1989 году — Андрею Сахарову. Евтушенко приехал сюда на неформальные и очень па-

мятные поэтические чтения, которые закончились на рассвете в деревенском пабе Сассекса.

Отец Сергей закончил в Оксфорде факультет современных языков, и его назначение преподавателем в университет было вполне закономерным. Он был протеже Лизы Хилл, работал ранее в библиотеке Русского отделения в Кембридже, преподавал в школе. Среди прочего, он участвовал в создании русской библиотеки в Сассексе. Он свободно говорил по-русски, по-английски и по-немецки, отлично знал французский и голландский языки. Он родился в Берлине в русской семье, уехал с родителями в Англию в 1940 году, и исключительно подходил для того, чтобы обучать студентов широкому спектру Европейских курсов, а также русскому языку и литературе. Он преподавал «Основы» и внес большой вклад в «Современную европейскую мысль». Его специальностью был Достоевский, но он читал также лекции, посвященные творчеству и многих других европейских авторов. Одним из любимых его контекстуальных курсов был курс «Тема в истории и в литературе». Курс этот вели двое преподавателей двух разных дисциплин, причем преподаватели зачастую с удовольствием разговаривали друг с другом о своих предметах, а студентам с трудом удавалось вставить слово в эту беседу. Мне довелось вести вместе с отцом Сергием один такой курс: «Писатели и крестьяне в России XIX века». Я быстро поняла, что отец Сергей знает историю России гораздо лучше меня. Его семья относилась к российской интеллигенции XIX века, и придерживалась народнически-эсеровских взглядов. Он воспитывался в культурном русском доме в Берлине 1930-х годов, окруженный произведениями искусства и музыкой.

Контекстуальная модель преподавания в Сассекском университете имела большое преимущество перед обычными ВУЗами, в нем поощрялось непрерывное междисциплинарное взаимодействие и сотрудничество, и о. Сергей в полной мере этим преимуществом пользовался. Он работал не только с коллегами по преподаванию русского языка, литературы и истории, такими как Робин Милнер-Галланд и Малколм Джонс (во время короткого, к сожалению, пребывания Малколма в Сассексе), но и с Питером Френсом (преподавателем французского, который при этом знал русский язык и был талантливым переводчиком с русского), Ларри Лернером, Тони Торлби и другими. Позднее он сотрудничал с Дональдом Митчеллом, первым профессором музыки в Сассексе, а за пределами университета — с Бенджамином Бриттеном и Джоном Тавернером, переводя, в частности, на английский «Реквием» Анны Ахматовой, который Тавернер положил на музыку.

О. Сергей оставил свой след в Сассексе не только как ученый. Через год после приезда он опубликовал первую версию своей главной книги о матери Марии Скобцовой *One of Great Price* («Величайший дар»). Я позднее использовала его работу в своем контекстуальном курсе под названием «Государственный и массовый террор», который представлял собой сравнительное изучение Холокоста и ГУЛАГа. Студенты, привыкшие видеть среди жертв нацистских концлагерей лишь евреев, были крайне озадачены, узнав о судьбе русских эмигрантов в оккупированной Европе, и, как и я, были очень тронуты книгой. О. Сергей писал и о Достоевском. Особенно выделяется его статья о религиозном аспекте «Братьев Карамазовых», опубликованная в переводе романа, издан-

ном Малколмом Джонсом. Его исследование «Двенадцати» Александра Блока, напечатанное в 1975 году под названием «Поэт и революция», вместе с его переводом поэмы на английский язык, принесло о. Сергию в Сассексе докторскую степень. Новаторским в его работе было то, что противоречивый образ Христа в поэме Блока о. Сергей понял как образ старообрядческого Христа. Очень жаль, что в связи с другими обязательствами и активным участием о. Сергия в делах Церкви после распада Советского Союза, «История Русской Церкви», над которой он работал многие годы, так и не была опубликована.

Его студенты всегда ощущали вдохновляющее влияние учителя, готового и выслушать их, и ободрить. Неудивительно, что двое из его учеников стали священниками: один — православным, другой — англиканским. О. Сергей был добросовестным преподавателем, способным часами сидеть в библиотеке, проверяя ссылки в работах студентов, а во время сессии — выискивая в тексте экзаменационных работ места, которые можно было бы заподозрить в плагиате.

В Сассекс о. Сергей пришел еще диаконом, а в 1965 году стал православным священником. Новый статус означал расширение его обязанностей. Он получил небольшой приход в Льюисе, но стал также православным капелланом в домовая церкви при университете, где раз в год служил Литургию. Он был последовательным экуменистом и состоял в тесных отношениях с капелланами других конфессий, особенно с тогдашним англиканским капелланом Эндрю Робинсоном. Его толерантность и радушие распространялись и на другие религии, как на территории кампуса, так и за его пределами. Возможно,

именно мать Мария вдохновляла его решительное противодействие любым формам антисемитизма, а также активное участие, как на местном, так и на национальном уровне, в Совете христиан и иудеев. Имам, назначенный в растущую мусульманскую общину университета, свидетельствовал о неизменной доброжелательности и дружелюбии отца Сергия.

К середине 1970-х, помимо своей деятельности преподавателя, ученого и священника, он стал редактором религиозных программ Всемирной Службы Би-Би-Си. В рамках русской программы, единственной, насколько мне известно, в Британском университете, он читал курс лекций по истории Православной Церкви. Кроме того, он регулярно читал лекции о судьбе религии в Советском Союзе и о Православии в целом для русских студентов на ежегодных воскресных чтениях на острове Торнс и на еженедельных семинарах, организованных для всех, кто в университете интересовался Россией. Я хорошо помню его характерный голос по трансляциям на Би-Би-Си Православных Рождественских и Пасхальных богослужений из русского собора в Лондоне.

Его контакты с русской диаспорой во Франции реально помогали решать постоянную проблему ежегодного размещения русских студентов за границей. В Советский Союз можно было отправить по обмену через Британский совет или через специально созданную тематическую группу в издательстве «Прогресс» в Москве лишь весьма ограниченное число студентов. Других студентов отправляли в Польшу и Болгарию, а в трагический 1968–1969 учебный год — в Чехословакию, но по ряду причин, как языковых, так и неязыковых, результаты не всегда были удовлетворительными. Поэтому связи, установленные о. Сергием

с русской общиной в Париже, были очень важны для тех студентов, кто по политическим или семейным обстоятельствам не мог попасть за «железный занавес».

О. Сергей легко сочетал свои многочисленные обязанности в университете и за его пределами; он переключался с одного языка на другой и с одной культуры на другую с завидным изяществом и терпимостью. Я хорошо помню спокойную атмосферу его кабинета в Доме гуманитарных наук, с постоянной вазочкой на столе, в которой стояли цветы из его сада в Баркомб Миллс, и его приветливую улыбку из-под священнической бороды. Когда в 1988 году он досрочно ушел на пенсию, поскольку в академическом мире, включая Сассекс, происходили массовые сокращения преподавательского состава из-за тяжелого финансового кризиса, о его уходе сожалели все, в том числе, как я подозреваю, и он сам. Однако его влияние еще долго чувствовалось в стенах университета, и он был там частым гостем до 2003 года, когда русское отделение и Европейский факультет исчезли в связи с реорганизацией университета. Тем летом на «поминках» по русскому отделению он трогательно говорил о русской сассекской семье, на становление которой он так сильно повлиял и которая всегда будет с благодарностью вспоминать его наставничество и его доброту. Эта благодарность, выраженная и его бывшими студентами, и коллегами, была наглядно подтверждена переполненным залом на волнующих памятных мероприятиях, прошедших в долевой церкви университета по случаю его смерти.

Берилл Уильямс

ДОКТОР СЕРГИЙ ГАККЕЛЬ

Когда в октябре 1974 года я поступила в Сассекский университет для получения ученой степени по русскому языку, истории и литературе, казалось немыслимым, что Советский Союз когда-нибудь прекратит свое существование. Курс обучения в Сассексе предлагал три раздела: советология, русская и советская литература и русская и советская история. Для нас было очевидно, кто из преподавателей русского факультета какой раздел будет вести, и только доктор Гаккель оставался загадкой. Он явно не вписывался в советские реалии, знание которых предполагали занятия советологией, и хотя он явно хорошо знал русскую литературу и историю, два других наставника лучше владели этим материалом. Мы слышали, что он православный священник, что было редким и почти непонятным явлением в атеистической и левонаправленной атмосфере Сассекского университета 1970-х годов. Мне он вспоминается в коричневых тонах: мягкая и длинная коричневая борода, мягкие темно-карие глаза, выглядевшие еще более мягкими и коричневыми сквозь очки в золотой оправе, мягко облегающий коричневый свитер, и то, что при своем невысоком росте, он возвышался над столом, когда он сидел в кресле в своем университетском кабинете. Его голос тоже был мяг-

кий, и он так прекрасно говорил по-английски, что невозможно было поверить слухам о том, что на самом деле он русский. Я была слишком молода, чтобы чувствовать себя вправе задавать вопросы, и поскольку на первом курсе я не часто видела доктора Гаккеля, вопросы эти постепенно перестали меня волновать.

На следующий год, или, возможно, это был последний семестр курса, мы начали прохождение обязательного курса под названием «Русские основы». Я не имела никакого представления о том, что это означает, но оказалось, что мы с еще двумя-тремя студентами будем еженедельно заниматься с доктором Гаккелем. Тут он наконец проявил себя во всем блеске. Мы стучали в дверь, заходили к нему в кабинет и пару часов проводили, беседуя о Киевской Руси и истоках православия в России, о «Слове о полку Игореве», летописях и монахах, о Пимене и Несторе, о Смутном времени и Новгородской Руси, о Византии, Константинополе и концепции Третьего Рима. Помню, мне было невероятно трудно представить себе все эти легендарные события, уходящие в глубь веков. Я плохо понимала их последовательность, кроме самых очевидных фактов. Я слушала все эти удивительные имена, исходящие из уст доктора, и мне казалось, что я слушаю одного из монахов-писцов в его отшельнической келье, разворачивающего передо мной, как гобелен, эти пестрые и удивительные истории. Для моего нетренированного уха, привыкшего или к нынешнему советскому жаргону, или к описательному и витиеватому языку русских классиков девятнадцатого века, эти имена и события были как русские сказки. Я очень любила наши занятия, но не понимала, что от меня требуется. Доктор Гак-

кель давал нам темы для эссе, но я не видела смысла в том, чтобы повторять то, что было так прекрасно изложено в немногих книгах по этому предмету. Мне было нечего к ним добавить, не с чем было сравнивать и нечему противопоставить — так мало было первоисточников. Думаю, что за весь семестр написала лишь одну работу. Доктор Гаккель не упрекал меня за отсутствие работ и однажды, когда мне наконец было что ему прочитать — помню, был чудесный день, его кабинет заливало солнце, — он вдруг прервал меня на середине фразы и сказал: «Терри, вы знаете, у вас необыкновенно синие глаза, какие я когда-либо видел в жизни». Это было сказано так, как будто он описывал природное явление, которое вдруг привлекло его внимание, — совершенно спонтанно и естественно. Из уст любого другого мужчины это прозвучало бы как комплимент, несколько неуместный, но приятный. Слова же доктора Гаккеля, как я уже понимала к тому времени, полностью соответствовали его взгляду на мир как на нечто, где все случается прямо сейчас, вокруг нас. В этом было что-то чудесно детское, как будто он наткнулся на бабочку, которая вот-вот улетит, и ему необходимо зафиксировать в памяти мерцание ее крыльев, яркие цвета, переливающиеся в солнечном свете.

Я была хорошей студенткой, обожала русский язык, и для меня было ударом то, что в конце года мой личный наставник поставил мне по «Русским основам» 4. 5 была самая низкая оценка. Конечно, я вместе с доктором Гаккелем наслаждалась чтением текстов, но я написала только одно эссе, и этого было достаточно, чтобы мне снизили оценку.

Семь лет спустя я снова встретила доктора Гаккеля. Теперь мы во всех отношениях были коллеги:

я только что устроилась продюсером в Русскую Службу Би-Би-Си, а отец Сергей Гаккель, как все его называли, был редактором религиозных передач. Для меня это была прекрасная возможность продолжить наше знакомство и, наконец, оценить его духовный авторитет как православного священника. Я знаю, что его образованность, которую я впервые оценила еще студенткой, обогащала каждую его передачу, и что его слушатели в полной мере ощущали его тихую, светящуюся радость учителя, наставляющего своих учеников, которую я впервые ощутила в Сассексе.

Тереза Черфас

О. Сергей был человеком, способным на помощь, в любое время готовый помочь всем нуждающимся. Причем сам он был необыкновенно скромным человеком, бесребреником. Я помню его поношенную рясу. Его потребности были на минимальном уровне, лишь бы только не выходить за рамки приличия. Он никогда не рассчитывал на внешний эффект, в том числе и в своих передачах. Может быть, они именно потому и были сильны, что вместе с Фаиной Яновой они делали передачи, замечательные по простоте, искренности и глубине. Они действительно раздвигали границы духовного опыта и сознания слушателей. С ними была радость просто общаться, когда он брал какое-нибудь интервью и лично, и по телефону. Это всегда был живой разговор, а не только работа.

Священник РПЦ Георгий Кочетков

ЕГО ПРОПОВЕДИ СРАЗУ ЖЕ СТАЛИ НОВЫМ СЛОВОМ ДЛЯ РАДИОСЛУШАТЕЛЕЙ

Отец Сергей Гаккель начал редактировать религиозные программы Русской Службы Би-Би-Си в середине 1980-х годов, в то время, когда служба в целом процветала, возможно, как никогда раньше. Правда, в то время она потеряла свой лучший голос: выдающегося политического комментатора Анатолия Максимовича Гольдберга. Правда, также, что многие сотрудники, которые вели передачи в эфире Службы в трудные 1950-е и 1960-е годы, ушли на пенсию. Но многие создатели новых программ, появившихся в эфире в 1970-х и начале 1980-х годов, имели высокий творческий потенциал.

Ведущие эстрадных и джазовых программ Сева Новгородцев и Лео Фейгин обладали прекрасной репутацией не только в Буш-Хаусе, где была основана Русская Служба как часть Всемирной службы Би-Би-Си, но и в Советском Союзе. Их работа, освещавшая события в мире книг, театра, кино, изобразительного искусства становилась все более содержательной, и все чаще радиоведущие, обладавшие значительным авторитетом, сами писали свои программы на русском языке.

Случались и исключительные передачи и, возможно, самая незабываемая из них — чтение Александром Солженицыным повести «Один день Иван

Денисовича» в 1983 году. А глава Службы Барри Холланд, который сам создавал талантливые радиопрограммы, служил источником вдохновения для своих сотрудников. Это был во многом золотой век Русской Службы Би-Би-Си.

Религиозные программы тоже стали неотъемлемой частью этого *золотого века*. Элизабет Робсон, ответственная за документальные программы, вспоминает: «С о. Сергием в качестве редактора религиозная программа Би-Би-Си преобразилась, не столько в своей структуре: чтение Священного писания и духовных текстов, проповеди, песнопения православной Литургии, новости; сколько в самой манере вещания».

«Он был, — по словам Элизабет Робсон, — крупным ученым, широко образованным, интеллигентным человеком. Он писал поучительные красноречивые толкования икон и был одним из лучших и самых тонких мыслителей о Русском Православии. Его проповеди сразу же стали новым словом для радиослушателей. В этом он был похож на своего духовного наставника — митрополита Антония Сурожского, главы Русской Православной Церкви Великобритании. С годами он ввел в программу новые элементы: новости из других религиозных конфессий СССР, некоторые из которых подвергались преследованиям с еще большей жестокостью, чем православные верующие диссиденты; новые книги, выдержки из которых он читал в эфире; регулярное участие в программах митрополита Антония, проповеди которого до сих пор остаются легендарными».

Лиз Барнс, одна из группы русскоговорящих англичан-продюсеров, работа которых играла важную роль в выпуске высокопрофессиональных про-

грамм Русской Службы, как-то сказала мне: «В годы работы отца Сергия редактором в программе произошли большие изменения. Он был важной фигурой в экуменическом движении Великобритании, и это отразилось в его программах. Наши программы стали не столько “религиозными”, сколько программами “о религии”, хотя, разумеется, преобладающая роль в них отводилась христианству».

В 1960 году, за два десятилетия до прибытия отца Сергия, программы Русской Службы, несмотря на значительный вклад Анатолия Гольдберга и на некоторые незаурядные программы, такие как популярное музыкальное шоу Тони Кэша, были в целом менее творческими, менее разнообразными. Они полагались больше на переводы материалов, написанных в центре Всемирной Службы, чем на оригинальный материал, написанный специально для советской аудитории, строились гораздо больше на текстах, зачитываемых в студии, чем на интервью или дискуссиях. Это объяснялось, в частности, отчаянной нехваткой персонала и тем, что таланты некоторых сотрудников не отвечали задачам радиожурналистики.

Религиозная программа в 1960-х годах под редакцией отца Владимира Родзянко, конечно же, содержала много оригинального материала, особенно его комментарии к Русской Православной Литургии, новости из жизни Православной Церкви в Советском Союзе, в том числе и о преследовании некоторых православных христиан. Но она была ориентирована только на русских православных слушателей. Она мало освещала другие конфессии, в том числе достаточно многочисленные в СССР, и не освещала вовсе никаких религий, кроме христианства. Кроме того, по словам Лиз Барнс, «равнодушие отца Род-

зьянко к техническим вопросам доходило до крайности: “Господь даст посланника донести Его весть”, — говорил он».

В 1970-х годах, за десятилетие до приезда отца Сергия, расцвет талантов, давших свои плоды в следующем десятилетии, уже начался. Во многом, — но не исключительно, — благодаря еврейской эмиграции из Советского Союза стало беспрецедентно много вновь прибывших русскоговорящих. Правда, никто из тех, кто появился у нас во время моей работы на Русской Службе, не был профессиональным журналистом. Но я видел в этом их преимущество, потому что советские средства массовой информации были клишированными, а голоса советских радиожурналистов — искусственными.

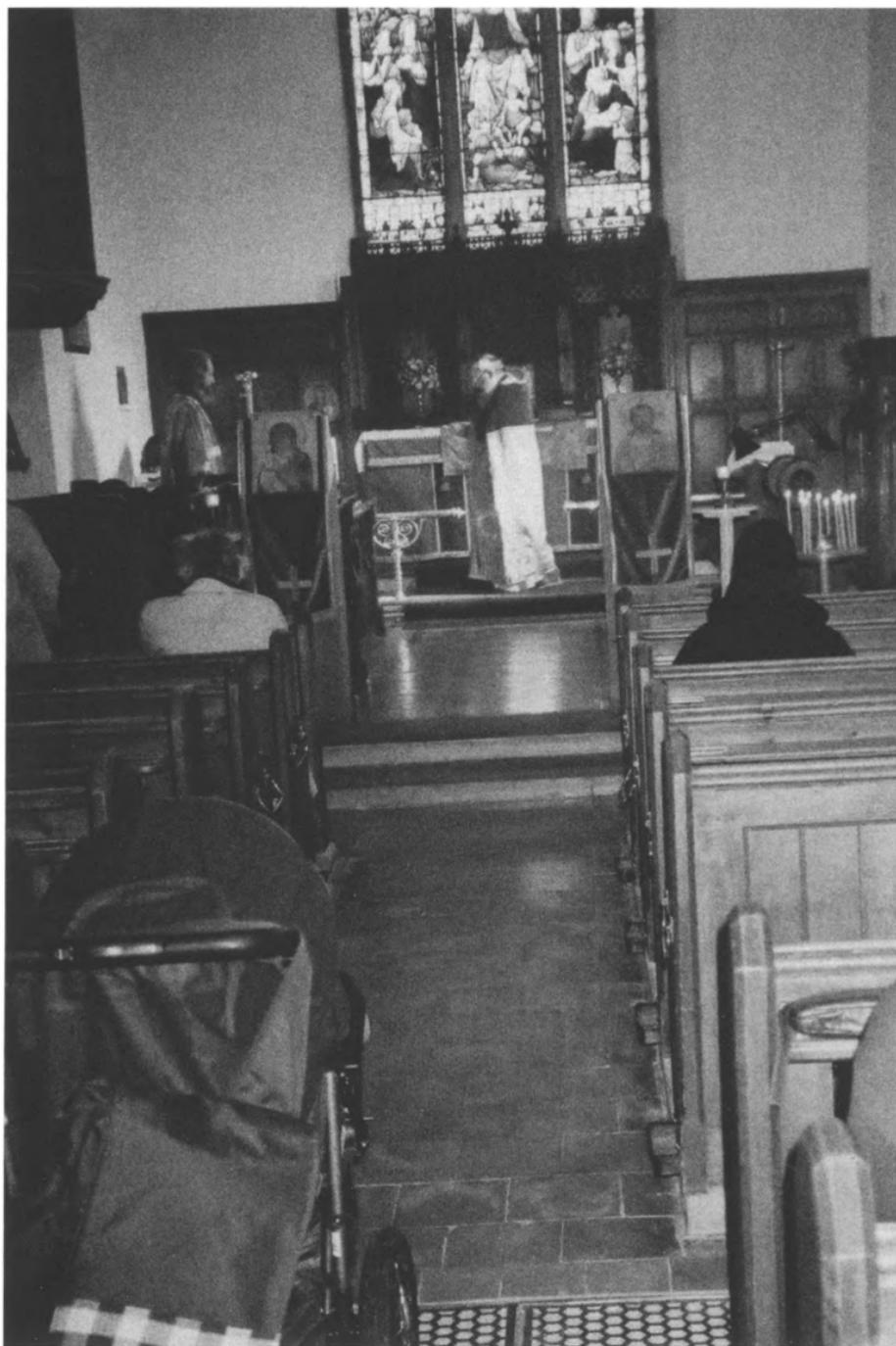
Преимуществом было также то, что новые сотрудники Русской Службы были людьми из разных областей жизни. Были у нас инженеры, учителя, тренер по игре в теннис и даже видная манекенщица Мила Куперман. Был также выдающийся искусствовед Игорь Голомшток, писатель Зиновий Зиник, невропатолог Эдуард Очаговия, психиатр Владимир Эйгенброт.

Некоторые авторы программ, такие как Азиз Улугов и Ефим Славинский, сосредоточили значительную часть своих усилий на высоком качестве перевода. Другие, в том числе Маша Слоним и Диран Мегреблян, были превосходными универсалами. Третьи, а их слишком много, чтобы упоминать каждого в отдельности, стремились сделать свой собственный оригинальный вклад.

Возможность запустить в конце 1970-х ряд программ, транслировавшихся по будням, была обеспечена именно этим преимуществом. Одна программа

О. Сергей служит Воскресную Литургию
в приходе Рождества Христова в Льюисе.
Это приход древнего храма, св.Томаса Бекета,
который православные делят с англиканами

Служение рядом
с митрополитом
Антонием Сурожским.
Эффингем. 1978

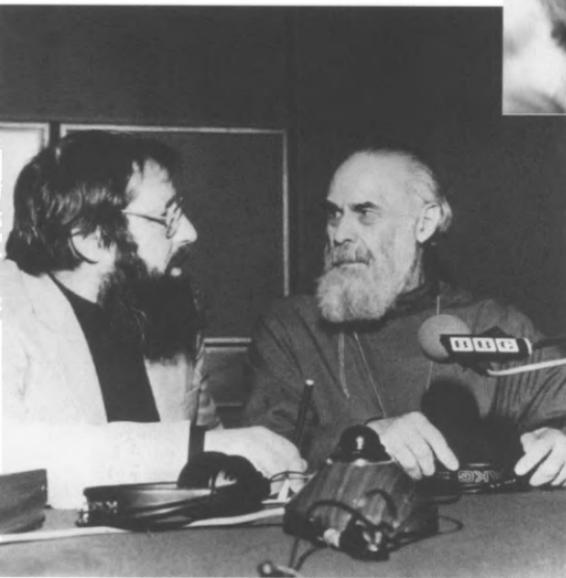
Водосвятие. Эффингем

Литургия

Отец Сергей Гаккель
и митрополит
Антоний Сурожский
в Москве. 1968

Работа вместе
с митрополитом
Антонием на лекциях
и на радио
(Русская служба Би-би-си)

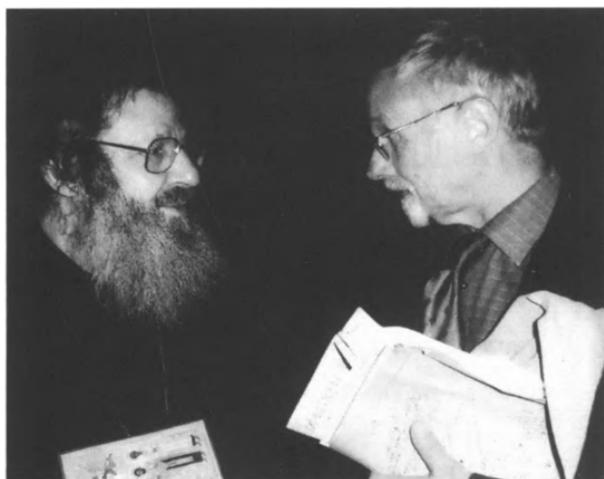
Фото-реклама радиожурнала «Воскресение», Би-би-си.
Слева направо: митрополит Суражский Антоний —
постоянный участник радиожурнала; Фаина Янова —
продюсер; протоиерей Сергей Гаккель — редактор

Отец Сергей, Сева Новгородцев и Фаина Янова
в «уголке» религиозной программы Русской службы Би-би-си

Беседа
с епископом
арабской греко-
католической
церкви
в Иерусалиме

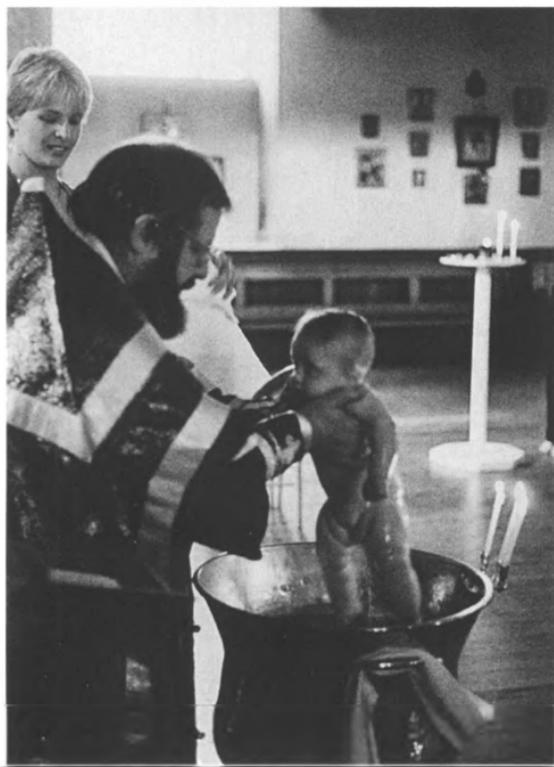
Беседа
с Никитой
Струве в дни
канонизации
матери Марии
в Париже

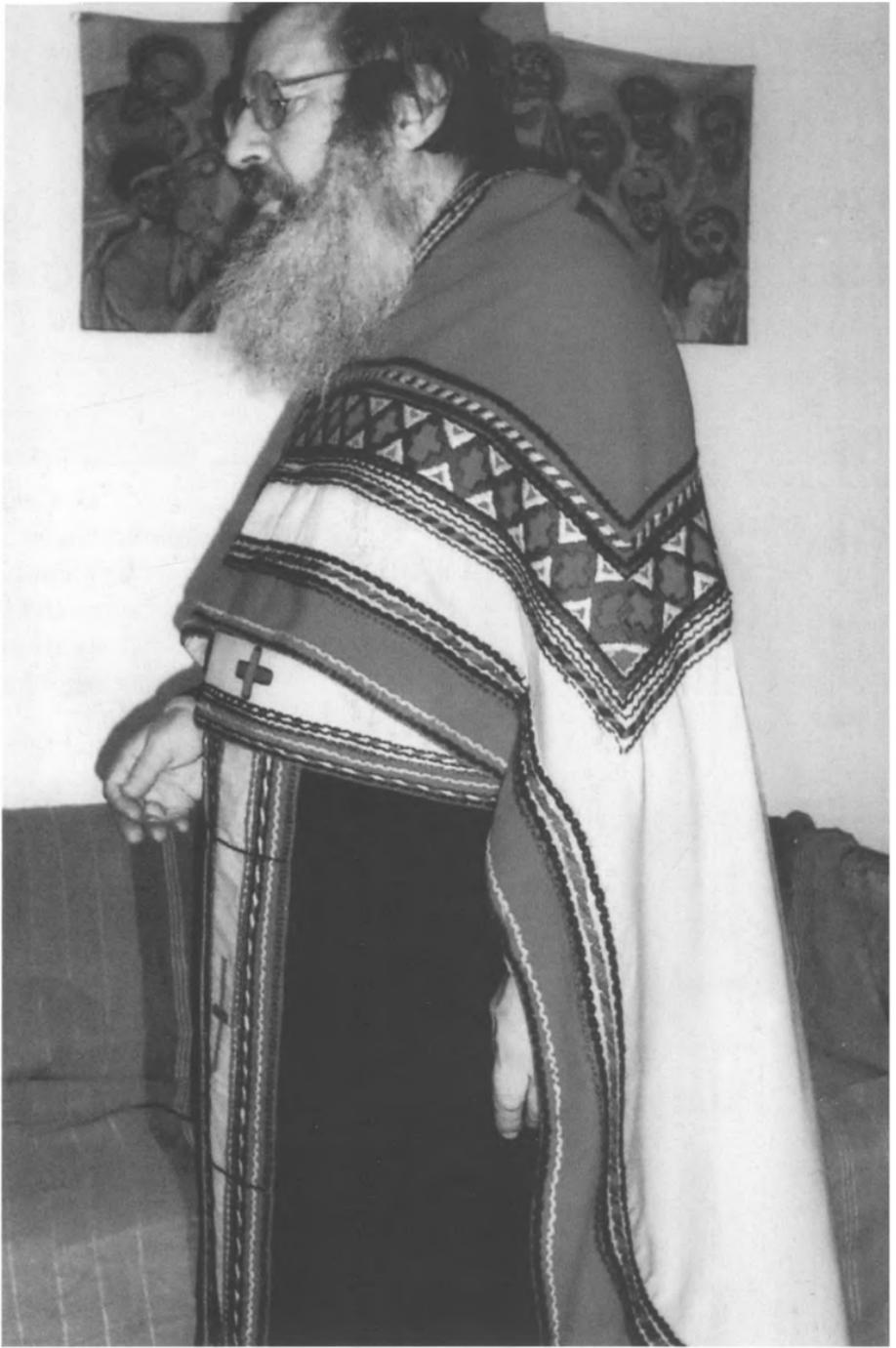
Встреча
с деканом
парижского
православного
свято-
Сергиевского
института
Константином
Андронниковым
в Сассекском
университете

Проповедь у Креста
перед прихожанами
Свято-Сретенского
прихода в деревне
Заостровье
Архангельской
области

Крещение
младенца. Лондон

Отец Сергей в облачении,
шитом матерью Марией (Скобцовой)

получила название «Компресс»: это был обзор редакционных статей, новостей и заметок, освещающих в ежедневной британской прессе Советский Союз и страны коммунистического мира. Это был, по словам одного из редакторов Службы Ефима Славинского, «огромный шаг вперед, потому что до этого мы просто тупо переводили написанные центром обзоры прессы, редко имеющие отношение к нашей аудитории».

Еще одной новой возможностью был ежедневный обзор прошлого советской прессы — за пятьдесят, сорок, тридцать, двадцать и десять лет. Однажды редактор этого обзора Владимир Эйгенброт сказал мне: «Эти программы показали нашим слушателям, как им лгали, как их вводили в заблуждение и как ими манипулировали».

Кроме того, появилась ежедневная литературная программа, часто редактируемая Сильвой Рубашовой. Здесь читались произведения авторов, расстрелянных или погибших в советских лагерях, или тех авторов, кого по той или иной причине не публиковали в Советском Союзе. К ним относятся некоторые стихотворения Цветаевой, Ахматовой, Гумилева и Мандельштама, романы Замятина, Лидии Чуковской и, конечно, Солженицына.

В 1980 году религиозная программа осталась без отца Владимира Родзянко. Ее возглавил Янис Сапиетс, пастор латвийской лютеранской церкви и глава исследовательского подразделения Всемирной Службы, специализирующийся на анализе событий в Советском Союзе и странах Восточной Европы.

Некролог Яниса Сапиетса, опубликованный в 1983 году в *Times*, описывает его как человека поразительной доброты и нравственного превосход-

ства, оказавшего скромное, но значительное влияние на радиовещание Би-Би-Си на Восточную Европу — в том числе и на Советский Союз. В свете этого состоялась его встреча с Солженицыным после высылки писателя из Советского Союза; Янис Сапиетс был единственным журналистом, который говорил с ним и которому он сказал: «Я узнал Вас сразу, как только Вы заговорили».

За годы своей редакторской деятельности Янис Сапиетс расширил охват религиозной программы, в которой начали освещаться проблемы не только Русской Православной Церкви, но и других конфессий, хотя митрополит Сурожский Антоний, тем временем, продолжал оставаться частым участником передач. Создатели радиопрограмм как Восточно-европейской Службы Би-Би-Си, где я работал с середины 1970-х до середины 1980-х годов, так и Русской Службы, которой я полностью посвятил свою работу с 1977 по 1979 год, помогли мне лучше понять, насколько наша работа важна для наших слушателей. Хотя невозможно было провести какое-либо исследование численности наших радиослушателей в Советском Союзе, судя по информации, полученной нами от нескольких официальных посетителей, с которыми мы встретились, а также от людей, которым удалось легально, или каким-либо другим путем уехать оттуда, программы наши слушало множество людей, и не только интеллигенция. Каждый диссидент, добравшийся до Запада, от Солженицына до Сахарова, от Бродского до Буковского, непременно был нашим слушателем. А один слушатель сказал Элизабет Робсон, что под влиянием бесед митрополита Антония на Би-Би-Си он стал верующим.

За эти годы я лучше узнал недоброе лицо советской власти. В каждую мою поездку в Советский Союз (а ездить туда я мог только как турист), я вечер за вечером слышал, как станции активных помех не дают советским людям слушать западные передачи, включая Русскую Службу Би-Би-Си.

В один из таких визитов в Советский Союз я обнаружил, — хотя и без удивления, — что за мной следят, причем не только в Москве и Ленинграде, но и в Тбилиси, Ереване и Баку. А в конце того же визита в ленинградском аэропорту меня отвели в комнату, где четыре или пять мужчин в кожаных куртках допрашивали, обыскивали и фотографировали меня, ослепляя вспышкой.

Но мой опыт посещения СССР был ничтожен по сравнению с опытом моих коллег. Все они были подвергнуты существенным ограничениям со стороны советской власти и мелочной бюрократии. Многие из них стали жертвами советской власти при попытке эмигрировать в Израиль — многие потеряли работу.

Я также никогда не забуду два случая, показавшие мне Советский Союз с его самой неприглядной стороны. Один из них — когда моему коллеге, у которого умер отец, советские власти отказали в визе для поездки на похороны. Другой был связан с гибелью моего молодого коллеги в Лондоне; его родителей не выпустили из СССР на похороны сына. Создавалось такое впечатление, будто Советский Союз старается продемонстрировать всему миру свою бесчеловечность, доказывая, несмотря на свою мощную пропаганду, что он *в действительности* является империей зла.

Русская Служба была в то время расположена в заполненных до отказа, а иногда и переполненных

помещениях. Создавая свои программы, люди большей частью работали, сидя за старыми пишущими машинками, или диктуя свои переводы на русский язык машинисткам. Во время ночных смен они несли ответственность за перевод и чтение новостей ночных и утренних передач. Когда удавалось, они спали по несколько часов в спальнях помещений вместе с сотрудниками других служб.

Между коллегами неизбежно случались споры, хотя, насколько я знаю, никогда не было драк. Существовали конфликты и между сотрудниками и их руководителями, в том числе и один день забастовки в знак протеста против одного из моих решений...

Но в то же время в Русской Службе была удивительная сплоченность, и не только на рождественских вечеринках. Такая сплоченность была, вероятно, обусловлена тем, что многих из нас объединяло общее прошлое, хотя некоторые даже и не знали друг друга, пока не покинули Советский Союз. Нас объединяли, кроме того, общие цели в трансляции широкого спектра программ: от мировых до британских новостей, от новостей о Советском Союзе и его восточноевропейских сателлитов до обзоров новых пьес, книг и фильмов, предназначенных для слушателей тех стран, где собственные средства массовой информации подвергались жесткой цензуре и были безнадежно избирательны и предвзяты. А многие мои коллеги пережили цензуру, избирательность и предвзятость совсем недавно и отнюдь не понаслышке.

Мне было радостно общаться с ними, прибывшими на Запад, оставшимися без работы и дома. Многие из них были чрезвычайно умны, по-разному талантливы, и обладали исключительно богатым

русским языком и высоким журналистским потенциалом.

Мне было радостно видеть, как они развиваются в первые месяцы и годы работы на Русской Службе — от простого перевода до написания оригинальных текстов, расширяя свои навыки создания сценариев. Я наслаждался, в частности, видя, как у них появляются свои собственные методы творческой радиожурналистики: от интервью до создания документальных программ. Прежде всего, я рад был узнать их как ярких личностей и хороших друзей. Некоторые из них приглашали меня к себе домой и знакомили со своими семьями. С другими я пил пиво в пабах Ковент-Гардена или кофе в подвальной столовой Буш-Хауса.

В нашу первую встречу с отцом Сергием в 1985 году мы обедали в ресторане возле Буш-Хауса. Много лет спустя мы ужинали вместе. По этим двум слишком непродолжительным встречам, да и по нашим кратким встречам в коридорах Буш-Хауса я запомнил его как человека, который сразу же вызывал симпатию, человека феноменальной теплоты и человечности; для меня он был одной из самых знаменательных фигур в истории Русской Службы Би-Би-Си.

Питер Юделл

РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СЕГОДНЯ ТАК НУЖЕН ОТЕЦ СЕРГИЙ

На Русской Службе Би-Би-Си, где я в течение четырнадцати лет регулярно видела отца Сергия, он, конечно, всегда выделялся. Во-первых, он был священник, о чем свидетельствовали его борода, полноватая фигура и неторопливость, особенно неожиданная в вечной суете и спешке радиоредакции. Во-вторых, он был русский, но родившийся за границей и живший британской жизнью, что мгновенно отделяло его и от эмигрантов, бежавших в семидесятые годы от Советской власти, и уж тем более от приехавшей в девяностые молодежи, среди которой значительную часть составляли бывшие советские журналисты. В-третьих — но это уже можно было заметить, только познакомившись с ним поближе, — в нем был заложен абсолютно неколебимый нравственный стержень, что, по идее, должно быть вообще присуще людям его профессии, однако вовсе не всегда оказывается им свойственно.

Отец Сергий был человек добрый и порядочный, что и само по себе немало, но помимо этого меня всегда поражала его способность немедленно приходить в ужас от совершавшегося зла. Стоило рассказать ему о каких-нибудь очередных мерзостях, творящихся либо в России, либо в соседней комнате на Русской Службе, как его лицо искажалось стра-

данием, как будто он физически не мог переносить мысль о том, до какой низости могут дойти люди. Никогда не забуду того негодования, с которым он рассказывал о патриархе Русской Православной Церкви, благословлявшем пушки, направляющиеся в Чечню. Не привезти бинты и медикаменты раненым, как издавна делали священники, — возмущался отец Сергей, — не благословить отправляющихся на фронт солдат, пусть делающих несправедливое дело, но которые тоже могут быть убиты или ранены. Нет, благословить орудия, которые только несут разрушение и смерть. У него это не укладывалось в голове.

При всей своей доброте и мягкости со злом он воевал активно. У меня сохранилась его записка 1996 года о религиозной программе, редактором которой он бессменно был более двадцати лет. При постоянном давлении на эту программу (в результате программу закрыли вместе с другими тематическими передачами Русской Службы) ему, вместе с его постоянным соавтором Фаиной Яновой, неоднократно приходилось объяснять начальству, зачем такая программа вообще нужна. «Наша независимость от российских церковных властей и спонсоров позволяет нам критически рассматривать действия тех или иных церковных властей по отношению либо к государству, либо к своим собственным диссидентам», — писал он. Этой уникальной возможностью, которую предоставляло тогда Би-Би-Си, религиозная программа пользовалась сполна, раскрывая для слушателей то, что российские церковные власти предпочли бы скрывать, и предоставляя микрофон тем, кто больше нигде высказать свою позицию не мог. Непримиимость к злу в сочетании с непременным, по «бибисишным» канонам, разнообразием споря-

щих друг с другом голосов — вот что делало эти передачи яркими и цельными.

Так было не всегда. До 1989 года религиозная программа Би-Би-Си главным образом давала слушателям в Советском Союзе то, чего они никак не могли найти на родине, — обсуждение основ христианской веры, службы, проповеди. В годы преследования верующих ее роль и не могла быть иной. С перестройкой и изменением роли Церкви в стране преобразилась и программа. Обновив формат и название, радиожурнал «Воскресение» бросился в гущу обсуждений, споров, конфликтов, сопровождавших религиозную и церковную жизнь России. Отец Сергей и Фаина Янова регулярно ездили по стране, записывая интервью со священниками, с прихожанами, со специалистами по изучению Библии и с людьми, занимавшимися благотворительностью. Программа ожила и стала по-новому важна для российских слушателей — многие сюжеты в передачах из Лондона оказывались понятней, чем в изложении местных радиостанций. Но, кроме того, в ней звучали голоса, которые иначе и не были бы услышаны в России — и почитаемого православными митрополита Антония Сурожского, и католика кардинала Хьюма, и англиканина архиепископа Кентерберийского лорда Ранси...

Независимость журнала позволяла его авторам поднимать такие вопросы, которые совершенно не рассматривались ни руководством Русской Православной Церкви, ни российскими СМИ — в частности, как пишет отец Сергей в той же записке, «о возможности экуменического — или уж совсем странно для русских слушателей — межрелигиозного диалога». Обновление Русской Православной Церкви, потребность в котором многие ощущали в пере-

стройку и которое было почти немедленно отставлено ее руководством после укрепления позиций Церкви в государстве, казалось отцу Сергию делом естественным и необходимым.

Как человек неверующий я только раз присутствовала на крещении, которое осуществлял отец Сергей, — в лондонском Успенском соборе на Эннисморгарденс он крестил сына моей подруги и коллеги Ирины Шумович Ваню, совершая обряд не на церковнославянском языке, как это принято, а на русском, поскольку был убежден в том, что язык богослужения должен быть понятен и близок, а не оказываться преградой между верующим человеком и Богом.

Экуменизм же отца Сергия, отстаиванию которого он посвятил большую часть своей жизни (он был активным участником Комитетов британских евреев и христиан, а также Британского и Всемирного совета церквей и редактором экуменического журнала «Соборность»), открылся всем, кто присутствовал на похоронах нашего тридцатипятилетнего коллеги Леонида Осокина, где в невероятно сложной человеческой ситуации отец Сергей проявил свой необыкновенный такт и уважение к разным религиям. Он провел богослужение и по-русски для приехавшей в Лондон безутешной матери Лени, которая ожидала православного обряда прощания с открытым гробом, и по-английски для его английской жены с маленькими детьми, которая вошла в церковь, только когда крышку гроба опустили. Трудно представить себе, кто кроме него мог бы столь естественно переходить от одного обряда прощания к другому, но он делал все, чтобы дать хоть какое-то облегчение горюющим людям, и это ощущали все, кто были в церкви — и верующие, и неверующие.

Особенно большое впечатление отец Сергей произвел тогда на некоторых молодых журналистов, которые, до того регулярно сталкиваясь с ним в коридорах Би-Би-Си, понятия не имели, что это за человек, — общая атмосфера службы не предполагала уважения или даже интереса к почему-то застрявшим там старикам. Но те, кто понимал, приглашали его принять участие в передачах об истории и культуре — и всякий раз радовались его образованности, тонкому пониманию искусства, живой непринужденной манере говорить и чувству юмора. Посмеяться отец Сергей любил всегда; я часто находила у себя на столе фотокопии рассмешивших его газетных карикатур.

Однако сегодня, когда верхушка Русской Православной Церкви стала сообщницей режима в подавлении инакомыслия, когда протоирей Чаплин призывает «не путать христианство с милосердием», а за «хулу на Бога» можно получить двухлетний срок, я гораздо чаще вспоминаю его лицо, искаженное страданием от того, как попираются христианские и человеческие заповеди. Русской Православной Церкви, да и всем тем, кого беспокоят процессы, идущие в России, очень был бы нужен сегодня отец Сергей...

Мария Карп

Вспоминается одна история, случившаяся на страшно неудачном конгрессе «Богословие после Освенцима и ГУЛАГа», на котором выступление о. Сергия было, в общем-то, единственным отрядным моментом. Там был такой страшный эпизод: ворвалась толпа нацистов во главе с петербургским психиатром. Они начали незапланированное бурное выступление, которое затем быстро перешло просто в истерику, в поток проклятий еврейскому народу. В зале было много знаменитых людей, но все растерялись. Тогда о. Сергий вскочил, подошел к этому человеку, поднял руку, перекрестил его и сказал: «Уйдите во имя Христа». И тот тихо повернулся и ушел. Ушел не только этот человек, ушла вся компания. В тот момент я увидела в нем то, чего не видела ни до, ни после. Увидела силу, которая его наполняла и которая принадлежала не этому скромному человеку, не этому верному ученику матери Марии, а силу, которую я связала с тем, что он духовный сын владыки Антония, которая как бы сидела в нем очень тихо и проявлялась, когда была необходима.

Анна Шмаина-Великанова

ЕВРЕЙСКИЙ ПОДХОД К ДИАЛОГУ С ХРИСТИАНАМИ И МУСУЛЬМАНАМИ

Вступление

Отец Сергей Гаккель был заинтересован в ведении межконфессионального диалога; он проявлял глубокий интерес к отношениям между иудеями и христианами и поддерживал Центр по изучению иудейско-христианских отношений (позднее названный «Институтом Вульфа») с момента его основания в 1998 году. Он был страстным сторонником религиозного просвещения христиан во всем, что касается евреев и иудаизма.

Я познакомился с о. Сергием в 1996 году и рассказал ему о своем видении того, каким должен быть Центр, объединяющий лучшие силы современных гуманитарных наук с целью укрепления взаимопонимания между последователями различных религий. Он сразу высказал мне огромное воодушевление и предложил поддержку. Наш Центр по изучению иудео-христианских отношений был основан два года спустя

Я всегда буду благодарен о. Сергию за его доброту и поддержку, за его регулярные поездки из Сассекса в Кембридж. Он помог мне воплотить идею в реальность.

Для меня большая честь посвятить эту статью его памяти, да будет она благословенна! Зихроно ли-враха!¹.

1. «Богословие диалога» в иудаизме

Основанием «теологии межконфессионального диалога» в иудейской традиции можно назвать два стиха из книги Левит (Лев. 19: 33–34):

«Если поселится с вами пришелец в стране вашей, не притесняйте его. Да будет у вас чужеземец наравне с природными жителями. Люби его, как самого себя, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской. Я — Господь, Бог Ваш»².

Главный раввин Джонатан Сакс³ часто напоминал: важность требования «любить пришельца» подчеркивается тем фактом, что оно тридцать шесть раз повторяется в тексте Пятикнижия. Понимание «другого» зависит от признания его достоинства. Иными словами, для того чтобы лучше понять и принять «другого», прежде всего нужна готовность к пониманию.

Такая задача никогда не решается легко, ведь речь здесь идет не столько о «других», сколько об отличии «других» от нас. Скорее, ее решение состоит в непосредственной встрече двух людей, и оно включает в себя взаимное и полное обнажение религиозного сознания. Эта встреча представляет собой диалог, в котором разговор с «другим» осуществляется

---

¹ Да будет память его благословенна (иврит) (*прим. ред.*).

² Пер. с иврита Б.Е. Рашковского (*прим. ред.*).

³ Джонатан Сакс (род. 1948 г.) — главный раввин Великобритании в 1991–2013 гг. (*прим. ред.*).

с полным уважением к тому, что может сказать «другой», к тому, что он должен сказать. Такие встречи всегда носят, по меньшей мере, личный характер, поскольку сам диалог начинается с личности.

Библейские пророки прекрасно разбирались в вопросах личных встреч. Так, например, Исайя властно призывает Израиль вступить в личные отношения с Богом: «Тогда придите и рассудим» (Ис 1:18). Следовательно, диалог требует взаимного уважения, которое «другой» проявляет так же серьезно, как требует его проявления и от собеседника, — и это чрезвычайно сложная задача.

Мартин Бубер первым начал разрабатывать проблемы межрелигиозного диалога в современном иудаизме. Он отстаивал тезис о нерушимости Завета между Богом и Израилем, но допускал существование «заветов» между Богом и другими народами.

Здесь мне вспоминаются слова о. Григория¹, архиепископа Фиатирского и Британского и покровителя Института Вульфа, который писал мне в 2006 году о «неразрывной связи иудаизма и христианства».

Мартин Бубер — создатель знаменитой категориальной формулы «Я-Ты» — утверждал, что по настоящему личные отношения с Богом единственно возможны лишь при наличии благоговения и уважения к Богу со стороны человека, не суетного в своих отношениях с Ним.

Это же является важнейшей предпосылкой общения между людьми. Два человека должны встретиться, проявляя равно глубокую заинтересован-

---

¹ Григорий (в миру Григóриос Феохáрус Хатцитофí). Род. 1928. С 1988 православный архиепископ Великобританский (Константинопольский патриархат) (*прим. ред.*).

ность и уважение друг к другу. Стало быть, следует подойти к «другому» с уважением и сдержанностью, ни в коей мере не умаляя в своих глазах значения его веры или убеждений.

Кроме того, существенны не только уважение «другого», но и мир веры каждого из собеседников, который должен восприниматься как действительный и подлинный. Его нельзя небрежно отодвинуть в сторону, ведь в нем состоит особая ценность веры. Отношения «Я-Ты» — это диалог не религий, но верующих. Отметим, что главной в таком диалоге остается личность.

Бубер оказал большое влияние на другого еврейского мыслителя — Эммануэля Левинаса, позднее также внесшего весьма существенный вклад в иудео-христианский диалог. Левинас утверждал, что отношения с «другим» далеки и от идиллии, и от симпатии, благодаря которой мы ставим себя на место «другого». «Другой» напоминает нам нас самих, но все же остается за пределами нашего внутреннего мира. По мнению Левинаса, встреча с «другим» требует этических обязательств. Иначе говоря, когда люди смотрят друг на друга, они видят не только лица друг друга, но и лица «других» людей — лицо человечества.

Следовательно, отношения выстраиваются в меньшей степени по формуле «Я-Ты» и в большей степени — по формуле «Мы-Ты», влекущей за собой этическое обязательство и ответственность за веру «другого». Ответственность за «другого» связана с человеческим приближением к Богу, так как познание Его не может существовать отдельно от отношений с человеком. Образ «другого» концентрирует в себе метафизическую истину и незаменим в моих отношениях с Богом. Он не играет роли посредника.

«Другой» — не воплощение Бога, а образ Высоты, с которой Он является миру.

2. Иудейско-христианско-мусульманский диалог сегодня

Диалог между христианами и иудеями, как указано выше, существовал, по крайней мере, на протяжении одного столетия, но диалог с мусульманами как с «другими» — гораздо более позднее и более хрупкое явление.

Слишком легко относиться к «другому» безопасно и без должного сосредоточения на реальности и благе «другого».

В основе иудейско-христианско-мусульманского диалога лежит то, что каждая из трех религий должна пониматься исходя из ее собственной терминологии. Примером тому может служить комментарий Франца Розенцвейга к словам Иисуса, записанным в Евангелии от Иоанна (14:6): «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня». Розенцвейг отнюдь не пытается опровергнуть это высказывание. Напротив, он утверждает, что это действительно правда, особенно если вспомнить о миллионах людей, пришедших к Богу через Иисуса Христа. Однако, продолжает он, «по иному выглядит положение тех, кому не нужно искать Отца, ибо они уже с Ним. Нужно ли мне обращаться в христианство, будучи уже избранным?»

В нескольких фразах Розенцвейг знакомит нас с решающим вопросом о ведении диалога: могут ли христиане рассматривать иудаизм в качестве истинной религии — и, наоборот, могут ли иудеи рассматривать в качестве таковой христианство?

Нам, евреям, со своей точки зрения, также нужно задумываться над целями, стоящими за становлением христианства и ислама. Имеет ли жизнь Еврея Иисуса хоть какое-то значение для еврейства? Какой для нас смысл в том, что два миллиарда последователей Иисуса читают еврейскую Библию? Что касается ислама, то какой для нас смысл в том, что 1,6 миллиарда мусульман распространяют многие иудейские обычаи (такие, к примеру, как пищевые запреты) и придерживаются строгого монотеизма?

Христианам необходимо задуматься о причинах выживания еврейского народа и жизнеспособности иудаизма на протяжении последних 2000 лет, так как сама постановка вопроса об истинности иудаизма бросает вызов традиционному христианскому представлению о превосходстве. Необходимо рассмотреть, например, такие вопросы: сможет ли христианство осмыслить свое отличие от иудаизма, не утверждая себя в противостоянии с ним и не претендуя на то, чтобы стать его заменой?

Для мусульман, особенно на Западе, межконфессиональный диалог (в современном смысле этого слова) с христианами и евреями начинается значительно позднее. Развитие более уважительного отношения мусульман с иудеями и христианами ныне важнее, чем когда-либо. Но особенно актуальным представляется вопрос о том, в какой мере мусульмане понимают значение для иудеев существования государства Израиль. Или, по словам Его Королевского Высочества Принца Йордании Хасана¹, насколько они могут осмыслить значение Холокоста?

---

¹ Род. 1947; сын короля Йордании Талала, правившего страной в 1951–1952 гг. (*прим. ред.*).

3. Иудейско-христианский диалог

Прежде чем диалог с иудаизмом действительно смог начаться, христианству потребовалось перейти от многовековой практики осуждения еврейской религии к критике традиционного христианского антииудаизма. Этот процесс привел не к отделению христиан от всего иудейского, но, по сути, к более тесным отношениям со «старшим братом».

Резкое пробуждение у христиан интереса к еврейским истокам их религии началось в первой половине XX века. Такие фигуры, как Трэверс Херфорд¹ и Джордж Фут Мур², пролили свет на жизнеспособность иудаизма в первые века нашей эры, преодолев заблуждения и предрассудки большинства своих современников, таких как Эмиль Шюрер³ и Юлиус Велльхаузен⁴. Последний ошибочно считал иудаизм раввинов одной из форм бесплодного законничества, попросту отвергнутой Иисусом и замененной христианством. С точки зрения Шюрера, Велльхаузена и их последователей раввинистический иудаизм пред-

---

¹ Трэверс Херфорд (1860–1950) — британский ученый. Гебраист и исследователь раввинистической литературы (*прим. ред.*).

² Джордж Фут Мур (1851–1931) — американский библеист и гебраист. Автор «Истории иудаизма в первые века христианской эры» (1927) (*прим. ред.*).

³ Эмиль Шюрер (1844–1910) — немецкий историк и гебраист. Автор трехтомной «Истории еврейского народа во времена Иисуса Христа» (1886–1890) (*прим. ред.*).

⁴ Юлиус Велльхаузен (1844–1918) — немецкий востоковед и библеист, автор монументального исследования «Введение в историю Израиля» (1872), оказавшего существенное влияние на направление развития библейской критики (*прим. ред.*).

ставлял собой явление упадка по сравнению с религией библейского Израиля.

К счастью, Херфорд и Мур указали на ошибки и предубеждения своих немецких коллег и выразили доселе неслыханное почтение раввинистическому иудаизму. Они дали новому поколению ученых представление о том, что иудаизм, который существовал в годы жизни Иисуса и в период становления ранней Церкви, не только продемонстрировал творческую активность и жизнеспособность, но и оказал положительное влияние на личность Иисуса и на развитие раннего христианства.

За последние полвека ученые смогли улучшить наше понимание взаимоотношения первоначального христианства с иудаизмом. Они подчеркивали тесную связь Иисуса с современной ему иудейской религией, в особенности — с ее фарисейским направлением. Последствия этого весьма разнообразны. Так, теперь мы знаем, что Иисус, Его семья и Его апостолы были религиозными евреями в полном смысле этого слова.

В современной западной библеистике и гебраистике иудейское происхождение христианства всячески подчеркивается. И это открытие еврейских истоков происхождения христианской религии привело к лучшему пониманию творческой роли иудейского религиозного окружения в истории формирования древнейшего христианства. Сейчас в большей степени, чем раньше, в ученой среде распространено мнение, что Иисус был правоверным иудеем, что Он родился, жил и умер евреем, что первые христиане были евреями, что Новый Завет, по большей части, — еврейская книга.

Подобное направление в развитии научных представлений о взаимоотношениях иудаизма и христи-

анства имеет большое значение и для современных иудеев. В начале XX века европейские еврейские ученые, такие как Франц Розенцвейг, Мартин Бубер и Клод Монтефиоре¹, подошли вплотную к положительной переоценке христианства и напомнили иудеям, что Иисус был евреем (их «Великим братом», как назвал Его Мартин Бубер). Этот процесс переосмысления христианства в категориях современной иудейской теологии продолжается и сегодня.

Влияние этих изменений вышло за пределы аудиторий светских университетов и начало воздействовать на учебную программу в семинариях и иных иудейских и христианских конфессиональных учебных заведениях. Например, Институт Вульфа разработал для этого особые инновационные междисциплинарные учебные программы для преподавания студентам, готовящимся к получению степени бакалавра и к аспирантуре. В результате, манера и стиль преподавания иудейско-христианских отношений претерпели изменения в большинстве высших учебных заведений.

За последнюю четверть века существенно возрос интерес и к раввинистическому иудаизму. Так что возникает необходимость более тесного сотрудничества еврейских и христианских библеистов. Мои собственные исследования по Акеде² показали, на-

---

¹ Клод Монтефиоре (1858–1938) — еврейский ученый, богослов, специалист по истории раннего христианства. Внучатый племянник филантропа и крупного общественного деятеля Моше Монтефиоре (1784–1885) (*прим. ред.*).

² Ивр. Акеда или Акедат Йицхак — библейский рассказ из двадцать второй главы книги Бытия, повествующий о готовности Авраама принести в жертву Богу своего единственного сына Исаака и о милосердии Бога, пославшего вместо него барана для всесожжения (*прим. ред.*).

сколько взаимосвязаны иудейские и христианские богословские толкования этого сюжета. В частности оказалось, что в его трактовке труды отцов Греческой и Сирийской Церквей оказались гораздо ближе к раввинистической традиции, чем это считалось ранее. Встреча с живой и по-прежнему верной Богу иудейской традицией может глубоко обогатить и христианское самосознание.

Еврейское отношение к христианству также начинает проявлять себя в новом качестве. Так, в сентябре 2000 года была опубликована подготовленная четырьмя еврейскими теологами специальная декларация, озаглавленная на иврите «Дабру эмет!»¹. Ее подписали более двухсот пятидесяти еврейских ученых и представителей общин из разных стран. И это придает ей больший авторитет по сравнению с иными более ранними документами такого рода. Данная декларация представляет собой выражение взглядов на христианство со стороны отдельных представителей целого ряда направлений в иудаизме и, в частности, утверждает следующее:

«Иудеи и христиане поклоняются одному Богу. До появления христианства евреи были единственными служителями Бога Израиля, но теперь и христиане поклоняются Богу Авраама, Исаака и Иакова, Творцу Неба и Земли. И хотя христианское богослужение не может быть приемлемым религиозным выбором для евреев, мы как иудейские теологи радуемся, что, благодаря христианству, сотни миллионов людей вступили в общение с Богом Израиля».

---

¹ «Говорите истину!» ивр. См.: Зах. 8:16 (прим. ред.).

Заключение

Иудеи и христиане участвуют в процессе взаимного общения, ведущего нас от презрения к признанию и способствующего восприятию «другого» как творения Божия и части особого Божьего Промысла о человечестве. Именно такие уважительные отношения и называются диалогом. В связи с этим можно считать иудаизм своего рода золотой серединой между исламом и христианством; он проливает свет на оба исповедания и, тем самым, показывает не только их зависимость от него, но и их уникальность. С этой точки зрения иудаизм идеально подходит для роли посредника в сложном диалоге, который так необходим сегодня, между христианством и исламом, между Западом и Востоком.

Следовательно, воздействие трансформации отношений между христианами и иудеями выходит далеко за пределы двустороннего диалога. Он служит парадигмой примирения и вдохновения. Иудеи и христиане, как дети Авраамовы, призваны быть благословением для человечества. И чтобы оставаться такими, мы должны быть, прежде всего, благословением друг для друга.

Так что у нас остается надежда, воплощенная в жизни отца Сергия Гаккеля, что, хотя в прошлом мы считали свои религиозные убеждения несовместимыми, сегодня мы находим все больше взаимопонимания в отношениях друг с другом.

Эдвард Кесслер

ВОЗВРАЩАТЬ ЛЮДЯМ ЗАБЫТЫХ СВЯТЫХ — ВЕЛИКАЯ МИССИЯ

Я познакомилась с о. Сергием Гаккелем на первой конференции «Богословие после Освенцима и ГУЛАГа», проходившей в Петербурге в январе 1997 года. Я тогда работала в газете «Невское время», бывшей в те годы вполне демократической, и хотела написать о конференции. Историк и библиист Ирина Левинская посоветовала мне поговорить именно с о. Сергием. Мне повезло, в перерыве я быстро нашла его в коридоре, спросив о нем у первого встречного. Этим встречным оказалась Фаина Янова — продюсер и ведущая религиозных передач Русской Службы Би-Би-Си, редактором которых был о. Сергей. С первых же слов, с первых минут общения с этими людьми мне стало ясно, что буду любить их всю жизнь.

Чтобы понять, какое впечатление производил тогда о. Сергей на людей в России, надо вспомнить, что заканчивались 1990-е, время краткого опьянения свободой, изумления перед свободой, благодарности свободе — при очень большой близости к советскому прошлому, которое и прошлым-то становилось прямо на глазах. В это время мы впервые встретились с людьми *оттуда* — не носившими на лице печати тревоги, унижения и страха, по которой сразу узнается человек *отсюда*. Встреча с такими

людьми сама по себе была удивительна, а уж если человек был высокообразован и облечен саном священника, она могла стать очень важной — мы здесь не знали *такой* православной Церкви, представителем которой был о. Сергей.

Философ Михаил Эпштейн очень точно назвал веру советских интеллигентов «бедной верой» — лишенной воспоминаний детства, обрядов, корней. Я тоже человек именно такой бедной веры, мне всегда было трудно войти в храм с висящим в воздухе шипением «Надень платок!» и недосыгаемым священником, стоящим к тебе спиной. И вдруг я встречаюсь с этим добрым взглядом из-под очков, слышу этот веселый смех, слова, полные юмора, и понимаю, что передо мной, несмотря на сутану, стоит человек, а не надмирное существо, и я не боюсь, что меня сейчас в чем-то уличат и упрекнут.

В ту первую нашу встречу, вполне еще формальную, о. Сергей рассказывал свои впечатления о конференции, о том, как много там было откровенно антисемитских высказываний. Он говорил об этом серьезно, хоть и с улыбкой, и я помню, как поразил меня этот рассказ.

Конференция «Богословие после Освенцима и ГУЛАГа» казалась мне невероятно важной — Церковь снова входила в российскую жизнь, имея все шансы привлечь к себе образованных людей, страдаемых «духовной жаждою», хотя уже тогда становилось ясно, что шанс этот будет, скорее всего, упущен. Тем не менее, вместе с Церковью в жизнь возвращались запрещенная философия, богословие, нравственные вопросы, вычеркнутые из советского бытия. И, конечно, мне не терпелось поговорить с о. Сергием о многих животрепещущих вопросах, и мы

назначили новую встречу — в гостинице на Казанской улице, где он остановился. Итогом этой встречи явилось интервью, опубликованное в «Невском времени», и дружба, на долгие годы связавшая меня с о. Сергием и Фаиной Яновой.

Конечно, говоря о дружбе с о. Сергием, я сознаю, насколько условно это понятие — взгляд на него мог быть только снизу вверх. Вспоминая сейчас тот разговор в гостинице, я вспоминаю даже не столько сам предмет разговора, сколько тот душевный подъем, который испытываешь при встрече с удивительными людьми, быть может, всего несколько раз в жизни. Впечатляли в нем мягкий голос, неторопливая обстоятельная речь, мимика, жесты, обаятельные манеры, ясный разум, твердая вера. Присутствие свободной личности всегда вызывает глубокое волнение и радость. У меня радость была двойная — о. Сергей служил доказательством того, что тот, настоящий мир, от которого нас отрезали, казалось, навсегда, все-таки существует. Я смотрела на этого человека и понимала: есть на свете порядочность, свобода, милосердие, ответственность за свои поступки, любовь к ближнему, Англия и Европа, и Бог — тоже есть! То есть я и раньше знала об этом, но из книг или со слов таких же, как я, лишенных воздуха обитателей подвала, а тут передо мной было живое свидетельство существования нормального мира — и мое сердце ликovalo.

Это ликование я помню хорошо. Оно возникало и позже, когда мне выпало счастье бродить с о. Сергием по Оксфорду, где он учился. Я помню движение его руки, гладившей белую дверь комнаты, где он когда-то жил студентом. Помню гордость, с которой он показывал мне разные колледжи, а осо-

бенно паб, где окончившие курс студенты по традиции оставляют кончики своих галстуков. Помню тот взгляд, которым он смотрел за решетку сада, где гуляла Алиса — настоящая Алиса из Страны Чудес. Помню, как мы зашли в книжный магазин — и священник прямо на моих глазах превратился в страстного библиофила, забывшего обо всем на свете.

Тогда в Оксфорде шел дождь, но этот день сияет в моей памяти как один из самых солнечных в жизни.

Однажды на Пасху я оказалась в доме у о. Сергия, в деревне неподалеку от маленького старинного городка Льюис. Целый день мы бродили по полям, он показывал мне окрестности, но всего интереснее был сам дом, где жила его семья, старинный, добротный английский дом — совершенно такой, какими я представляла себе английские дома еще в детстве, по Диккенсу, чей зеленый 30-томник на книжной полке манил к настоящей, книжной жизни, а не той, что уныло клубилась за окном. А потом была пасхальная ночь, православная служба, во время которой о. Сергей преобразился — я потом еще не раз видела это его преображение во время Литургии. Нет, он не становился другим — но как будто самая важная, скрытая до поры часть его души вдруг выступала вперед, и сразу становилось ясно: вот, это и есть то, ради чего этот человек живет. Он служил без всякого надрыва, естественно, как дышал, и предельно серьезно. На той пасхальной службе был один прихожанин, только что перешедший из англиканской церкви в православную — возможно, под влиянием личности о. Сергия. Я помню его лицо, смертельно бледное — казалось, он вот-вот упадет в обморок от сознания важности свершившегося в нем переворота. И помню о. Сергия, который все

время был рядом, поддерживая его в этот трудный час кивком головы, словом или взглядом. Я не совсем понимала тогда, что именно происходит между ними там, вблизи алтаря, но было ясно — происходит нечто чрезвычайно важное, может быть, самое важное в жизни человека.

Я видела, как служил о. Сергей не только в Англии, но и в России. Однажды, когда они с Фаиной Яновой в очередной раз приехали сюда записывать материалы для своих программ, они выкроили время, чтобы, по моему приглашению, поехать в Вырицу, в храм Казанской Божьей Матери. На его территории стоит часовня, где похоронен Серафим Вырицкий, тогда только что прославленный Церковью как святой. Настоятелем храма был замечательный батюшка о. Алексей (Коровин), теперь уже, к сожалению, покойный. О. Сергей знал его, и оба были рады встрече. Мы приехали, когда Литургия уже началась, и не успела я оглянуться, как о. Сергей уже был в алтаре, влившись в службу так просто и естественно, как будто служил в этом храме много лет. Потом нас пригласили к настоятелю на обед, и я видела, как хорошо им быть вместе и как они понимают друг друга с полуслова. Конечно, я не могу воспроизвести предмета разговора, но помню свое ощущение от беседы свободных и умных людей.

Много раз на протяжении моего общения с о. Сергием заходила речь о его книгах — о Блоке и, особенно, о матери Марии (Скобцовой). Когда я думаю об этой работе о. Сергия, мне на ум приходит сравнение с Львом Копелевым, который вернул миру святого доктора Гааза, немецкого врача, отдавшего себя служению русским беднякам, каторжникам, бродягам. Мать Мария, в миру Елизавета Кузьмина-

Караваева, говорила, что хотела бы, чтобы нищие и обездоленные растащили ее по кусочкам, — и тоже отдала себя целиком. Но мы бы не помнили сегодня об этой великой святой, помогавшей бедным и потерянными русским эмигрантам во Франции, спасавшей евреев в оккупированном немцами Париже, а в концлагере пошедшей в газовую камеру вместо молодой еврейской женщины, — если бы не русский священник, родившийся в эмиграции, живший в Англии, протоиерей Сергей Гаккель. Это он написал о ней книгу, это он собрал ее вещи, записи, вышивки, рисунки, это он вернул ее миру. Мне кажется, возвращать людям забытых святых — великая миссия, говорящая о масштабе личности того, кто эту миссию несет.

Татьяна Вольтская

ОН БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ, К КОТОРОМУ Я ИСПЫТЫВАЛ БОЛЬШУЮ ПРИВЯЗАННОСТЬ, ГЛУБОКУЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ И ВОСХИЩЕНИЕ

*Некоторые молитвы святого Исаака Сирина
из недавно опубликованной «Третьей части»
его сочинений¹*

Именно благодаря Братству Святого Албания и Преподобного Сергия мы с женой Еленой впервые встретили отца Сергия. Это было в конце 1950-х годов, когда он выступил с незабываемым докладом о матери Марии в филиале Кембриджского университета, где я работал секретарем бакалавриата. Потом по книге посетителей я установил, что впервые он прожил у нас пару дней в ноябре 1969 года, когда мы жили в Кембридже. Еще дважды он ненадолго приезжал к нам в Оксфорд: в мае 1985 года и в январе 1986-го. К этому времени я привык постоянно видеть его на заседаниях редколлегии «Соборности», которые он в качестве редактора созывал для обсуждения, среди прочего, документов и материалов, представленных для публикации в журнале. Тщательность, с которой он относился к редакторской работе, была совершенно очевидна. Ему приходилось давать обширные комментарии и вносить (иногда — в процессе публикации) необходимую правку, от частичного переформулирования фраз вплоть до почти полного переписывания статей; при

---

¹ Приводимый перевод выполнен не с арамейского оригинала, а с английского перевода Себастиана Брока (*прим. ред.*).

этом он своим характерным почерком оставлял на полях пометы. В рамках этих встреч можно было получить довольно ясное представление о широте его интересов и задачах, которые он ставил перед собой. Интересы его были широки: искусство, экуменическая деятельность; он работал с Русской Службой Би-Би-Си, глубоко знал историю русской литературы. Увы, никогда не хватало времени в конце этих встреч, чтобы увлечь его обсуждением вопросов, мимолетно пронесившихся у меня в голове. Хотя, к сожалению, у меня не было возможности узнать отца Сергия близко, я всегда чувствовал к нему большую привязанность, глубокую признательность и восхищение. Для меня было большой радостью и честью, когда мне предложили принять участие в создании книги, посвященной его памяти. Говоря словами молитвы сирийского православного отпевания, «идите с миром, и да будет обитель ваша на Небесах свадебным чертогом Света».

Связь между русской и сирийской литературой (и, следовательно, между интересами отца Сергия и моими) можно обнаружить благодаря Святому Исааку Сирину, и, прежде всего, благодаря образу старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» Достоевского. Многие писания сирийских монахов седьмого века были переведены на греческий язык в монастыре святого Саввы, к югу от Иерусалима, около 800 г. н.э., и именно благодаря греческому переводу они получили распространение в славянском и латинском мире. Все Аскетические Беседы Святого Исаака, которые известны сегодня в России и во многих других странах, — из Первой части его сочинений. Вторая и Третья части были опублико-

ваны совсем недавно. О том, что найдена утерянная Вторая часть сочинений преподобного Исаака, стало известно, когда отец Сергей работал редактором журнала *Sobornost — Eastern Churches Review*¹. Затем отец Сергей опубликовал в «Соборности» несколько моих переводов молитв, входящих в недавно восстановленную Вторую часть² сочинений Исаака Сирина. Думаю, будет уместно привести здесь в память о нем перевод некоторых молитв Святого Исаака, которые недавно опубликованы в Третьей части его сочинений³. За исключением первых двух, все остальные молитвы, приведенные ниже, взяты из длинной седьмой главы, состоящей из сорока восьми молитв и название которой (данное не Исааком) говорит о том, что сознание читающего их Исаака действует в огромной амплитуде молитв и созерцаний.

---

¹ *Isaac of Nineveh: Some Newly Discovered Texts // Sobornost / ECR* 8:1, 1986. — С. 28–33. Сегодня существуют переводы на английский, французский, итальянский, русский (М., 1998) и румынский языки. Хорошее общее введение в изучение работ Святого Исаака можно найти в книге митрополита Илариона Алфеева «Духовный мир Исаака Сирина» (Kalamazoo, 2000; русское издание — М., 1998) и во введении к переводу с греческого языка бесед Исаака в «Первой части», сделанному монахами Спасо-Преображенского монастыря и опубликованному в книге: *The Ascetical Homilies of St. Isaac the Syrian. 2nd Ed.* — Brookline, 2011.

² *The Prayers of Saint Isaac the Syrian // Sobornost / ECR* 16:1, 1994. — С. 20–31.

³ Обновлено по итальянскому переводу, сделанному С. Кьялой (S. Chiala): *Isacco di Ninive: Terza Collezione.* — Leuven, 2011. Существуют также переводы на французский язык: A. Louf, *Isaac le Syrien, Oeuvres spirituelles*, III // *Spiritualité orientale* 88; 2009; на английский язык: *Mary Hansbury* (издание находится в стадии подготовки).

Здесь может быть полезным небольшое введение. Слово, которое обычно переводят как «тайна», включает в себя множество различных понятий. В настоящем контексте, переведенное как «Таинство», оно понимается в православной традиции по преимуществу как Евхаристическое Таинство. В сирийском тексте, однако, это слово, в том числе и в этих молитвах, понимается как символ или указание на аспект Истины или Божественной реальности, где символ должен быть понят и в святоотеческом смысле этого слова: символ активно интерпретируется в реальности, которую он отображает¹. Таинства, или символы, присутствуют уже в Ветхом Завете, но их смысл раскрывается только в Боговоплощении, ибо именно Христос дает ключ к их пониманию, да и Сам Он часто представляет ту реальность, в которой сходятся все Таинства. Таким образом, в III.7.12 Исаак говорит о привилегированном положении тех, кто живет теперь, после пришествия Христа, так как в Ветхом Завете праведники и пророки имели возможность лишь стремиться к тому дню, когда Таинство будет раскрыто. Тем не менее, понимание, обретенное людьми с помощью этого герменевтического ключа, — не проблема интеллектуального знания, ибо любое истинное познание Бога для сотворенных Им существ может происходить только через веру. Это то, чем человеческие существа делятся с Ангелами

---

¹ Это, прежде всего, видно у святого Ефрема (+ 373), который в высшей степени творчески использует понятие «таинства/символа» в своей поэзии в попытке представить свою точку зрения, что можно найти в моей книге: «Сияющее око. Духовное видение мира святого Ефрема». (*The Luminous Eye. The Spiritual Vision of St. Ephrem.* — Kalamazoo, 1992).

и другими духовными существами, хоть и стоящими выше. Это пребывание «в вышних» Святой Исаак называет «горой веры» (Святой Исаак, вероятно, имеет в виду концепцию Святого Ефрема, представлявшего Рай как гору)¹. Таким образом, в нескольких молитвах Исаак говорит о восхождении веры, которая есть приобщение к великой вере духовных существ. Сама же великая вера порождает непрерывное хваление Бога.

Для удобства читателя отдельные молитвы снабжены ссылками, указывающими на соответствующие главы, части и разделы Библии.

Переводы

III. 2. 9

О, Христе обогащающий! Укрепи упование на Тебя в душе моей; выведи меня из тьмы к осознанию света Твоего, чтобы мог я прославлять Тебя песнью хвалебною, идущей от сердца, а не только из уст.

III. 5. 11

Хвала Тебе, Создателю и Господу нашему! Позволив созерцать любовь Твою, наполнил Ты меня утешением и радостью; Ты возвел мысли мои от недр земных и принял их к престолу подлинного бытия Твоего, позволил бродить им среди богатств Божественной Природы Твоей, изумленно взирая на

---

¹ Прежде всего, в своих «Райских Гимнах». Мой перевод на английский язык: *St. Ephrem the Syrian: Hymns on Paradise*. — Crestwood, N.Y., 1990.

тайны любви Твоей, отринув разницу между созданиями Твоими и вознеся их к Тебе, Создателю.

III. 7. 1

Преклоняюсь перед Величием Твоим, Боже, ибо Ты создал меня в любви Твоей, и во Христе избавил меня от мрака духовного, в котором пребывала душа моя, не ведая о Тебе. Ты освободил нас от грехов, чтобы мы не блуждали более во тьме, в том ветхом знании о Тебе, в котором жили былые поколения.

III. 7. 2

Хвала Тебе, терпящему злые наши дела по милости Твоей, состраданием Твоим попускающему нашей греховности, избавившему нас от прегрешений благостью Своей. Ты даровал нам возможность веры в Тебя, подобающей Твоему Величию, и не отвернулся от нас по нашей неблагодарности к Тебе, ибо Ты Бог милосердный, и всегда гасишь пламень грехов наших росую Благодати Твоей.

III. 7. 3

Чьи уста достойны воспевать хвалу Твою, чей язык достоин восхвалять Тебя? Ибо Ты избавил нас от грехов щедротами милости Твоей, и вместо заслуженной кары не отказал нам, грешникам, в Дарах Своих. И не осудив нас¹, Ты восхотел приблизить нас к Себе, ибо мы — творение Твое. Милость Твоя — превыше меры нашего разумения, и Ангелы дивною природою Своей возносят хвалу Тебе за нас и ради нас, ибо Ты дал им силу восприятия чудесной Святости Твоей.

---

¹ Ср. Пс. 143:2.

III. 7. 4

Да возблагодарят Тебя Ангелы за нас, ибо слишком слаба человеческая наша природа, чтобы вознести благодарение Тебе. Пусть сплетают они в чудесные песни хвалы свои и благодарят Тебя за нас. Они скорбели о нашем отпадении от Тебя¹, когда Ты срезал побеги наших знаний о Тебе и сокрыл от нас тайны Бытия Твоего. Но Ты уделил нам помимо нашей просьбы великий дар веры, который может приблизить нас к тайнам Божественного знания — тайнам, которыми духовные существа приближают нас к Присутствию Твоему.

III. 7. 5

Именно благодаря таинству веры мы, ближние Твои, веря, хотя и не видя², возведены в темное облако Славы Твоей³. Эта вера дана просвещенным умам и соединена с великим знанием; эта вера — Твой дар разумным существам, чтобы они могли постигнуть Таинства, открытые им в любви Твоей, чтобы могли они уверовать в недостижимое и непознаваемое — в Божественную Природу Твою, сокрытую от всех.

III. 7. 6

Признание этого, о Вечный Боже, нельзя найти ни у одного создания Твоего, ни у духовного существа, ни у слабого человеческого рода, за исключением лишь тех, кто припадает к источникам любви Твоей; ее же открываешь Ты постоянно и великим,

---

¹ Ср. Лк. 15:10.

² 2 Кор 5:7.

³ Ср. Исх. 20:21.

и малым — каждому по мере его — являешь Ты сокровищницу милости Твоей в откровениях, несущих людям их доли духовного знания.

III. 7. 7

Дар милости Твоей нужен нам, ибо он возносит разум наш до веры в Тебя. Ибо Святость Твоя скрыта от нас облаком безвестности, окружающим святыню Твою, ибо даже для херувимских взоров едва ли доступно за облаком Божественной Славы Твоей видение сокрытых Твоих пространств¹.

III. 7. 12

Ибо пророки и цари из поколения в поколение праведно ожидали прихода Твоего. Не только в день Рождества Твоего мы обрели Тебя, о надежда народов, и мы радуемся Тебе. Они видели Тебя в своих откровениях, удивлялись Тебе и жаждали Тебя, но только мы созерцаем глубину им открывшихся знаков Твоих. Ты излил на нас Гихон² Благодати Твоей, о Творец! В наши дни открыл Ты всю Свою сокровищницу, и мы можем проникнуть к ней. Ты явил нам Таинства и знаки Христа Твоего. Мы так долго жаждали Его Пришествия, что многие поколения состарились и преставились, не обретя покоя, ибо дни Его были далеко.

III. 7. 13

Обратимся, душа моя, к истоку покоя твоего³, ибо видела ты Надежду всех народов, ты вынесла Его

---

¹ Ср. Исх. 20:21.

² Одна из семи райских рек, Быт 2:17.

³ Пс. 117:7.

на руках своих, ты освобождена Им от беззаконий и грехов твоих. Хвалите, душа моя и все кости мои, Имя святое Его¹. Хвали, душа моя, Господа²! Могу ли я не славить Господа, покуда жив, и не петь Богу моему, покуда существую³? О, сердце мое и плоть моя, славьте Бога Живого⁴!

III.7.14

Буду славить Тебя, Господи, и язык мой возгласит праведность Твою; как я целый день⁵ воздаю хвалы, так и Ты подведешь меня ближе к Величеству Своего Могущества и позволишь мне разделить славу Ангелов, причислив меня к ликующему их собору. Ты не лишил меня, Господи, одной веры с ними, ибо такова природа всех духовных существ — крылья Хранителей и зеркала их откровений. Единение мое с Ангелами и с собором их заключается в соответствии моей воли воле Ангельской и в духе веры, дарованной нам.

III. 7. 15

Вот она — слава существ духовных и сила дивных Откровений о Боге; вот он — преображающий опыт веры, — опыт, что прорастает из переживаний людских, ибо коренится этот опыт не в прямом видении, но в самой вере⁶. Скрытой Тобою Святой Природы не коснется ни длань, ни взгляд ни одного тварного

---

¹ Пс. 103:1.

² Пс. 146:1.

³ Пс. 104:33.

⁴ Пс. 84:3.

⁵ Пс. 71:5.

⁶ 2 Кор. 5:7.

создания, но вера, созданная этой Природой, позволяет наслаждаться Ее лучами, сияющими в самом их естестве Твоею милостью.

III. 7. 16

Тайнами Славы Своей приблизил Ты нас к Твоему возлюбленному Сыну, ибо Ты позволил нам пройти в предгорьях веры — той горы, где обитают девять чинов духовных существ и на вершине которой выстроен Священный Твой Град.

III. 7. 17

Боже наш, Живой и Живоначальный, Твой слуга и Апостол Павел провозгласил нам об этой горе, когда сказал: «Вы были приближены»¹. Вы были приближены к горе Сион, которая есть вера и познание Господа, и ко Граду Бога Живаго, к Иерусалиму, который на небесах. Теперь и мы присоединимся к божественному созерцанию в сонме Ангелов. Разум, наделенный Откровением, восходит с ними по лестнице веры на Сион — гору Божью.

III. 7. 18

Со всеми нашими бедами Ты привел нас сюда, Боже, Праведный Судия², не гневающийся на нас, но отвративший взор Свой от грехов наших³. Ты не пощадил Своего Возлюбленного Сына, но ради нас⁴ сделал смерть Его источником нашего Спасения. Во Христе Своем открыл Ты нам сокрытые истины веч-

---

¹ Евр. 12:22.

² Пс. 9:15.

³ Пс. 85:5–7.

⁴ Рим. 8:22.

ной премудрости Твоей¹, и привел нас к познанию веры в Тебя².

III.7.19

Не оставляй меня, не лишай Своей милости, дарованной мне, ибо Ты открыл мне и привел меня — помимо прошений моих! — в Царство Славы Твоей³ из пространств Твоей вечной любви. Не лишай меня столь любезного сердцу моему созерцания Твоей Славы. О, Господи, пошли мне в помощь силу Свою и заведи меня из моря этой временной жизни. О, Океан помощи, останься со мной и помоги мне, не оставь меня в бездне бед.

III.7.20

О, Жизни Наставник, покажи разуму моему путь к Тебе: открой мыслям моим дверь к осознанию Тебя. О, Обновитель сущего, верни Себя моему разуму, разбуди в моем сердце подлинную надежду на Тебя. О, Океан сострадания, унеси меня от бед, вызванных отдалением моим от Тебя! Приведи меня к пламени веры в Тебя, позволь пить вино познания надежды на Тебя. Сохрани во мне достойный Тебя огонь сердечный, горящий непрерывно с тех пор, как запала в него искра веры в Тебя.

III.7.21

Кто из тех, кому являлись мысли эти, способен выстоять пред лицом Твоего могущества? Кто, хоть раз почувствовав его на себе, смог потом вспомнить

---

¹ Пс. 51:8.

² Рим. 16:25–26.

³ 1 Фес. 2:12.

себя? Чье тело и чьи мысли могли выдержать аромат веры в Тебя? О, Христе, сердце правды, Истина Твоя да воссияет в наших сердцах¹! О, Великий, сияющий среди Святых, в любви Твоей я могу победить мир² и соблазны его. О, Великий, возложивший за нас тело, позволь понять Твою Истину, освети помраченную мою душу. О, Океан, на котором держится мир, спаси меня от бурного моря!

III.7.22

Ты знаешь, Господи, каждый день я скорблю о грехах моих, и Ты видишь это: скрытые слезы текут из глаз моих, когда я вижу, как слаба душа моя. И когда я хочу стоном исцелиться от грехов моих, с ними вырываются дурные желания, усугубляя боль сердца моего, ведя меня к гибели, губя мои мысли и уводя их от молитв Тебе.

III.7.23

Ты — врач, достоверно знающий биение сердца моего. Дай силы сердцу моему устоять перед страстями. Знаю, что не в силах моих победить в этой битве: лишь сила Твоя победит и принесет мне победу; даруй победу мне по воле Твоей, и победа будет за мною по милости и премудрости Твоей! Ибо только так и возможна победа побежденных.

III.7.24

Пусть раскаяние сердца моего свидетельствует Тебе, что похоти плоти моей сильнее, чем воля моя.

---

¹ 2 Кор. 4:6.

² 1 Ин. 4:4.

III.7.30

Избави меня от глупого ума моего, мыслящего, словно дитя неразумное; возбуди во мне мысли праведные, чтобы мог я думать о Славной Природе Твоей, чтобы не хвалить мне Божественные Твои решения по образу мышления человеческого, подверженного нашим страстям. Да позаботишься Ты о наших душах! Путь мой к мудрости Твоей приведет меня к созерцанию славной воли Твоей, ибо сам я не ведаю, Господи, как взойти на пути Твои.

III.7.31

О, Христе, Дверь в Таинства, позволь мне разделить с Тобою знание Таинств Твоих; с Тобою, Господи, могу я войти к Отцу Твоему и получить начала Благодати Духа Твоего Святаго. О, Христе, Ключ к Таинствам и Собрание всех Таинств, Ты можешь открыть нам двери к Таинствам, которые от века были сокрыты Отцом Твоим, ибо в Твоем Откровении — океан всех Таинств.

III.7.32

Сподоби меня принять Тебя, ибо в Тебе я смогу открыть двери и войти в Таинства Твои и прошлые, и грядущие. О, Господи, сподоби меня сладости веры в Тебя: кто вкусит чашу сию, будет упорствовать в борьбе с собой и вернется к своему истинному Я; как сок из раздавленного винограда, вера усладит сердца тех, кто достоин ее.

III.7.33

О, Обновитель сущего, обнови меня осознанием веры в Тебя, радостью каждой твари Твоей. Сохрани

меня достойным этой радости, превосходящей пределы плотского мира и дарующей покой душе моей. Разожги во мне огонь любви Твоей, свяжи узами чуда Своего мое сердце, впусти начала разума моего в тишину знания Твоего, ибо познание Тебя возможно лишь в тишине. Сподоби меня смотреть на Тебя открытыми очами — очами внутренними более, нежели телесными.

III.7.34

Даруй мне новые очи, о Ты, даровавший взор слепому¹; затвори уши тела моего, но открой скрытые уши души моей, внимающие тишине и жизни Святаго Духа, чтобы мог я слышать даже слово молчания Духа Твоего, возрастающее в мое сердце, — но не написанное; возрастающее в моем разуме, — но не изреченное; хотя и высказанное устами Духа, — но услышанное слухом бестелесным. О, Океан сострадания, возьми меня и отмой от грязи падшую душу мою и сотвори мне корабль, плывущий к Святилищу Твоему.

Себастиан Брок

---

¹ Ин. 9.

ИСТИННЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ

Я вспоминаю встречи с о. Сергием Гаккелем в Москве, как светлые и радостные события в моей жизни. Нас познакомила с ним Фаина Янова, с которой я дружна уже много лет и в передачах которой на Би-Би-Си мне доводилось участвовать.

В Москве у них всегда было очень много дел. Встречи, поездки, выезды за город. Поражало, как много они успевали. И в этом трудном для них графике умещались и наши встречи, ни одна из которых не проходила наспех. Наше общение выходило далеко за рамки интервью. Не просто вопрос-ответ. Часто мои слова продолжались их размышлениями на ту или иную тему, значительно расширяя ее звучание. А уж когда заканчивалась деловая часть нашей встречи, воцарялась та самая атмосфера московских кухонь, когда за ужином можно было неспешно размышлять о самом-самом. Незаметно переходили в область музыки и поэзии, в которой очень хорошо разбирался отец Сергей. Очень радовало, что в своих привязанностях мы совпадали. И вместе грустили о том, что грубость и невежество так мощно завоевывает себе пространство на земле. Говорили об ответственности художника за нравственную сторону своего творчества.

У него была совершенно замечательная детская улыбка. И очень легко можно было представить себе

портрет того умного, пытливого мальчика, каким он был в те далекие школьные годы в Англии.

Он так и остался неизменным школяром, оценивающим каждый день своей жизни как возможность познания, размышления и отдачи себя другим. Истинный интеллигент.

Елена Камбурова

ОН НИКОГДА НЕ ЗАДАВАЛ ВОПРОС «А КТО МОЙ БЛИЖНИЙ?»

Об отце Сергии Гаккеле я впервые услышал от моего старого приятеля священника Владимира Рожкова. С о. Владимиром мы познакомились еще когда он был просто Володей, а потом подружились, когда он служил вторым священником в Алабино, где настоятелем был о. Александр Мень.

После смерти о. Всеволода Шпиллера о. Владимир был настоятелем храма свт. Николая в Кузнецях, самого «интеллигентского» храма Москвы. Как-то после службы мы сидели с о. Владимиром на колокольне, где до того десятки раз мне доводилось сидеть с о. Всеволодом Шпиллером и о. Николаем Эшлиманом. Время от времени там бывал и еще один «православный диссидент» — о. Андрей Сергеенко.

«Попробуй угодить на них на всех, — смеясь, говорил о. Владимир, — когда в храм ходят и всемирно известные музыканты, и писатели, и старорежимные бабушки, и простые москвички, которые знают, что они вот здесь, на своем коврике в углу, сорок лет стояли, а теперь какие-то мальчишки пришли и этот коврик куда-то отодвинули! Для бабульки это — мировое потрясение».

Отец Владимир подошел к телефону, поговорил минут пять-семь и заговорил совсем другим тоном:

— Тут мне из Лондона о. Сергей Гаккель звонит. Просит дать интервью для Би-Би-Си. Я ему сказал, что у меня треба, не сразу даже сообразил — крестины или отпевание. Просил позвонить через полтора часа. Ты, отец, тут с Костюком посиди, никого больше не зовите. Костюк знает, где у меня что спрятано. Вдвоем, «тайно образующее». Я быстренько к Плеханову, спрошу, что и как говорить в интервью.

— Кто такой Плеханов, отче?

— Это уполномоченный Совета по делам религий по Москве. Он, говорят, полковник КГБ, умнейший мужик. Он меня курировал, когда я в Руссикуме учился. Я с ним недолго посоветуюсь и вернусь.

Мы встретились с о. Сергием года через полтора-два. Я рассказал ему, как о. Владимир давал интервью.

— Вы ведь, отец Сергей, сказали, что интервью берете у протоиерея Владимира Рожкова, а его устами говорил полковник КГБ Алексей Плеханов.

Отец Сергей улыбнулся:

— Вы ошибаетесь, отец Георгий. Я брал интервью у настоятеля Никольского храма протоиерея Владимира Рожкова и его устами не говорил никто. Все, что он говорил, говорил настоятель Никольского храма. Если он до этого беседовал с каким-то чиновником Совета по делам религий, это не имеет значения. Многие священники Московской Патриархии беседуют с чиновниками Совета по делам религий и с офицерами КГБ. Я тоже неоднократно с ними беседовал. У нас на Би-Би-Си существует правило, что к микрофону следует допускать всех без исключения, в том числе и тех, кто согласен сотрудничать с Советом по делам религий и с КГБ.

Потом мы несколько раз говорили с о. Сергием о тех или иных священниках Московской Патриар-

хии, и у него всегда было одинаково благожелательное отношение ко всем без исключения. Он много раз повторял мне, что каждый человек имеет право идти своим путем. «Кто поставил нас, отец Георгий, судьями? Я, например, во многом не согласен с митрополитом Антонием, но мне трудно назвать человека, которого я чту так высоко, как митрополита Антония. Я знаю, что митрополит во многом не согласен со мной, но он — человек очень толерантный. Не случайно Господь сотворил этот мир таким многообразным. В нем имеет право на существование и лев, и шакал, и черепаха».

Несколько раз мне посчастливилось участвовать с о. Сергием в дискуссиях за круглым столом. Например, на конференции в Лондоне. И здесь был совсем другой человек. Это был, пожалуй, самый жесткий и бескомпромиссный участник круглого стола. Он критиковал всех, в том числе и меня, за «политкорректность», за компромиссы, за нежелание говорить правду, за боязнь обидеть кого-то из участников дискуссии.

— Отец Георгий, — повторял он несколько раз, — мы, православные священники, обязаны осознавать, что мы живем после Освенцима и ГУЛАГа. Христианские догматы остаются неизменными уже более 18 веков, но христианство не остается неизменным. Формулируются новые каноны, к лику святых причисляются все новые и новые члены Церкви.

Мы вышли на улицу.

— Отец Сергей, — сказал я, — почему Вы так жестко критикуете меня и не критикуете о. Владимира Рожкова?

— Потому, что о. Владимир Рожков говорит честно, а Вы лукавите, стараетесь быть политкорректным.

Отец Владимир имеет право ехать к любому полковнику, но этот полковник для него — просто референт. Отец Владимир выражает свои мысли независимо от Плеханова, Фурова или любого другого «гэбэшника», а Вы сегодня за круглым столом старались быть вежливым и угодить тем, кто Вас пригласил.

— Это не логично, отец Сергей, — возразил я.

— Я — православный священник, — ответил о. Сергей, — и никогда не стараюсь быть логичным. Во всяком случае, я не считаю логику абсолютным критерием. Логика — высший критерий для философов, их суждения не должны быть противоречивыми. Для меня абсолютным критерием всего, что я говорю и делаю, является Евангелие и весь корпус Нового Завета. Христианство противоречит логике, ибо оно выше логики, выше философии. Обычно слова Тертуллиана переводят «верую, ибо нелепо», но в латинском тексте «credo quia absurdum est» смысл — «верую, ибо это противоречит логике», это «абсурдно», это «не логично». Как-то я рассказывал Вам, отец Георгий, о полемике между митрополитом Антонием и архиепископом Василием Брюссельским во время Поместного Собора 1971 года. Митрополит Антоний логически был, безусловно, прав, и архиепископ Василий признал его правоту и последовал его совету не выступать, но потом много лет жалел об этом, ибо он был прав с точки зрения христианина, исповедника. Митрополит Сергей (Страгородский) логически всегда был прав в полемике со своими оппонентами, но по-христиански прав был митрополит Кирилл (Смирнов) и его единомышленники.

В о. Сергии мне больше всего нравилось отсутствие позы, театральности, он никогда не поучал ex cathedra, не вещал. Он говорил ровным, спокойным

голосом, часто казался скучным. Все его слова и действия были обыденными, повседневными. У него не было ни малейшего намека на харизматичность. И первую, и вторую заповедь — люби Бога и люби ближнего — он исполнял обыденно, даже чуть-чуть скучно.

Как-то я рассказал ему, что в Ивановской больнице протекает крыша.

— У нас в Англии есть благотворительная организация, я даже числюсь ее председателем. Постараюсь что-то сделать, но обещать ничего не могу.

Потом прислал 10 000 долларов и никогда больше ни словом об этом не упомянул. Когда я поблагодарил его — он был у нас в Карабаново — и предложил поехать в эту больницу, он спросил:

— Зачем? Крышу сделали — и ладно. — И заговорил о чем-то совсем другом.

Отец Сергей очень свободно относился к канонам. Несколько раз говорил мне, что они были сформулированы в определенное время, в определенных исторических условиях, и должны иметь силу только для того времени и для тех условий, ни в коем случае их нельзя отождествлять с заповедями, с догматическими определениями, которые сохраняют силу на все времена.

— Всеправославные совещания, — говорил о. Сергей, — необходимо проводить не реже одного раза в десять лет, и на этих совещаниях нужно составлять свод канонов, какие-то упразднять, какие-то добавлять. Но каноны не должны иметь общецерковную силу. Каждая Поместная Церковь может что-то добавлять и что-то исключать. Церковь должна решать это на своих Поместных Соборах. Россия и Англия имеют право формулиро-

вать каноны в зависимости от сложившейся у них практики. В Грузинской, Болгарской, Греческой и Российской Церкви разные головные уборы, разный покррой подрясников и ряс, но мы все остаемся православными. Покрой одежды не влияет на нашу веру, на наше богослужение. Так и каноны не должны влиять на нашу веру.

В беседах с о. Сергием неизменно чувствовалось его одиночество. Все годы, которые мы с ним встречались, он жил в пустоте, рядом с ним не было никого. Были знакомые, был сослуживцы. Как-то он грустно процитировал: «Знакомых тьма, а друга нет».

— Знаете, отец Георгий, я чувствую себя почти постоянно в заснеженном холодном блоковском Петербурге. Естественно, я не могу быть с двенадцатью красногвардейцами. Мне Петрухи, Андрюхи, Ванюхи совсем чужие, но мне и собрат мой долгополый — чужой, я вижу массу недостатков в дореволюционном духовенстве. Может быть, я был бы среди обновленцев вроде Белкова, Боярского, но через месяц я отошел бы от них. Самый близкий мне в поэме Блока — паршивый пес, впрочем, он мне тоже чужой, потому что стоит «поджавши хвост». Мне кажется, я никогда хвост не поджимаю.

Думаю, это чувство одиночества, инаковости, непохожести заставило о. Сергия написать книгу о матери Марии (Кузьминой-Караваевой). Внешне в их жизненном пути, в их судьбе нет ничего общего. Отец Сергей, несомненно, очень скоро будет забыт. Он не оставил после себя учеников, он не пользовался популярностью или даже широкой известностью при жизни, как митрополит Антоний (Блюм), как о. Александр Мень. Подобно матери Марии он не был понят никем.

Католическую святую — мать Терезу — знает весь мир. Ее принимал Папа Римский, она — лауреат Нобелевской премии, основательница особого монашеского ордена. Она не рушила никакие каноны. Она близка и понятна всем — католикам, протестантам, агностикам. Она умерла в своей постели.

Монашеский путь матери Марии был по-настоящему близок и понятен, боюсь, одному лишь очень далекому от ортодоксального монашества священнику — Сергию Гаккелю.

«Одинокая пожилая женщина, в топтанных мужских ботинках, в рясе с порванным рукавом, с тяжелым мешком на плечах (даже на тележку денег нет), куда сложено все, что не смогли продать торговцы на рынке, — вот подлинная христианская святость во времена и после Освенцима и ГУЛАГа, — говорил о. Сергей. — Во Франции ей хоть рясу носить позволяли, а в Советском Союзе сотни таких матушек (имена же их, Господи, Ты Сам веси) мешки на плечах носили, голодных кормили, а их за одно это — в лагерь. И ни одна пока в лике святых не прославлена: они ведь не были ни пророчицами, ни чудотворицами. Просто взяли крест свой и последовали за Христом. Вот и все, ничего особенного».

Отцу Сергию не нужен был театр, где герои с фальшивыми мочальными бородами произносят высокопарные монологи. Он очень иронически отзывался и о «народе-богоносце». Не народ, не класс, не социальная общность, а только один человек нужен Церкви, нужен Христу.

«Я особенно люблю мать Марию за то, — сказал как-то о. Сергей, — что она всю жизнь теряла, что Господь никогда не слышал ее молитвы. Неудачным был первый брак, неудачным — второй. Умерла одна

дочь, умерла другая, умер сын Юра, но она никогда, ни на один день не утратила веры. Людям необходимы чудеса, людям необходимы герои, поэтому люди сочиняют мифы и легенды. Как только начинают говорить о матери Марии, рассказывают, что она пошла в крематорий вместо какой-то другой женщины. Скорее всего, это вымысел. Последние дни своей жизни она уже не ходила, а ползала на четвереньках, но она не утратила веры. До последнего дня она оставалась христианкой. Это и есть чудо. Этому и должны мы у нее научиться».

Думаю, этому мы все должны научиться у о. Сергия. До последнего дня он остался христианином. До последнего дня любил Бога и любил ближнего. И никогда не задавал вопрос: «А кто мой ближний?» Не было в нем ни грамма от закваски фарисейской. Он уникален в «утонувшем в фарисействе» XX веке. И (да простят меня собратия) уникален среди тонущих в фарисействе священнослужителей.

Священник Георгий Эдельштейн

СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ

Голос о. Сергия Гаккеля был мне знаком задолго до того, как состоялось наше личное знакомство. Много лет вся наша семья почти регулярно слушала религиозные передачи русского радиовещания Би-Би-Си, и его проповеди и беседы были для нас радостью. Радостью были и богослужения владыки Антония, в которых часто принимал участие о. Сергей.

В Костроме о. Сергей появился впервые в начале 90-х. Затем бывал периодически в нашем доме, сопровождая группы англичан в туристических поездках на теплоходе по Волге. В Костроме теплоходы останавливались на несколько часов, так что можно было вместе и чаю попить, и побеседовать.

Очень хорошо помню его предпоследний приезд. Я была на воскресной Всенощной в церкви Воскресения-на-Дебре — на самом берегу Волги — и вдруг заметила, что он стоит рядом! О его приезде заранее не знала — так часто бывало в те годы. Во время службы я познакомилась с о. Сергием молодого тогда священника о. Валентина Рябикова, который до того знал его по передачам на Би-Би-Си. Он был очень рад этому знакомству, и в следующий приезд опять встретился с ним и согласился дать интервью для программы, которую они несколько лет делали вместе с Фаиной Яновой.

После службы мы вместе с Фаиной прошли к нему на теплоход, где его ждала огромная группа англичан, тепло его приветствовавшая. За те 10–15 минут, что я с ним там посидела, я просто кожей ощутила ту атмосферу сердечности, которая установилась между ними и о. Сергием.

В последний раз о. Сергей приехал в Кострому в 2004 году, поездом, а не на теплоходе. Они тогда с Фаиной взяли несколько интересных интервью в Москве, а затем брали интервью и здесь, в Костроме, и в других городах.

В тот приезд о. Сергей подарил мне последнее издание своей книги о матери Марии Скобцовой, что было для меня поистине ценным подарком, т.к. я много лет читала о ней все, что могла, знала ее поэзию и эссе, а в 1960-х в Москве узнала о ней многое из рассказов нашей доброй знакомой, репатриантки из Франции, лично знавшей ее до войны.

Книга о. Сергия еще раз высветлила в моей душе образ этой великой подвижницы и убедила меня в ее святости.

В тот же приезд я впервые заговорила с о. Сергием и Фаиной о моей возможной поездке в Англию. Мы договорились, что приглашение придет о. Сергий, он же постарается поехать со мной по Англии — по крайней мере, по юго-востоку, а жить я буду у Фаины в Льюисе.

И вот, в 20-х числах ноября я получила официальное приглашение от о. Сергия, где цель моего визита была обозначена как «знакомство с церковной жизнью — в частности, жизнью моего прихода в Льюисе». Оформлением визы я занялась только в декабре, а в январе узнала, что он перенес обширный инфаркт, и находится в больнице.

В Англию я приехала 22 января, пробыла 2 недели у Фаины в Льюисе, ездила на электричке в Лондон, поездила по югу Англии, сколько удалось, но ко всему примешивалась горечь от болезни о. Сергия и от невозможности общаться с ним. В самом конце января мы с Фаиной посетили его в больнице, он был слаб, но бодр и, как всегда, очень доброжелателен. Незадолго до того у него снова был приступ, но, как я тогда поняла, врачи считали, что ему лучше. Он благословил и поцеловал меня на прощание...

Перед самым моим отъездом, в начале февраля, мне посчастливилось побывать в приходе в Льюисе, в небольшой англиканской церкви, где обычно проходили православные богослужения о. Сергия. В тот день служил православный священник-англичанин, и служба была посвящена Крещению, но на 2 недели позже, чем в России, — из-за болезни о. Сергия. Так что меня еще раз окропили крещенской водой.

После службы женщины-прихожанки (в основном — англичанки) писали открытки о. Сергию с пожеланиями скорейшего выздоровления и договаривались о поездке к нему в больницу. Все они, как и я, верили, что он вернется...

Я уехала из Англии 6-го февраля, а 10-го узнала, что накануне, 9 февраля 2005 года, о. Сергей Гаккель отошел в мир иной. Вечная ему память!

Я не могу сказать, что очень близко знала о. Сергия. В беседах он был немногословен, за духовным советом мне к нему не пришлось обратиться, частной жизни его не знала. Но даже непродолжительные встречи с ним были пронизаны светлой и доброй силой, исходящей от него.

Отец Сергей в моей душе сливается со светлым образом владыки Антония Сурожского, с которым

он был близок много лет, и с дорогой мне матерью Марией, о которой он столько писал. И когда он соотносил с ней слова «сила Божия в немощи совершается», я думаю, он вполне имел право сказать это о себе. Ведь он вряд ли был уже совсем здоров, когда совершал свои долгие и утомительные миссионерские поездки в Россию и по России. Просто его путь к Богу — это та же деятельная любовь, которая освящала путь и матери Марии, и митрополита Антония. Поэтому я верю, что и его образ со временем «будет становиться все светлее и светлее», как писал митрополит Антоний о матери Марии.

Анита Эдельштейн

УДИВИТЕЛЬНОЕ ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ВЕРЫ

За несколько лет у нас было всего несколько встреч, и остался образ, не распадающийся почти на какие-то мемуарные подробности. В нем было что-то от такого диккенсовского чудака. Он был такой мешковатый, рассеянный, чрезвычайно скромный. И в нем чувствовалось спокойствие, связанное с чистой совестью и такой вот ясной душой, и постоянное благоволение к миру и ко всем окружающим. И сразу становилось очевидно, что это очень добрый и очень доброжелательный человек, которому интересны все люди.

Совершенно очевидно было и то, что он человек верующий до кончиков ногтей, каждую секунду верующий, всегда и повсеместно. Видно было, что он все время находится в контакте с Тем, в Кого он верит и Кого он любит, что его вера и есть любовь — и именно она руководит его поведением.

Он представляется мне — в этом своем подряснике, весь такой мягкий, — действительно ожившим облаком. Облако благоволения, прорезаемое молниями острого смысла.

Он вызывает во мне совершенно удивительное чувство человека, который, не произнося никаких ласковых слов, никоим образом не суясь к человеку

в душу, как бы излучал доброту. И было совершенно очевидно, что это не просто его личная доброта, а она совпадает с его верой, и он такой замечательный, добрый, веселый, умный и, так сказать, духовно прекрасный человек, потому что в нем живет его вера, а вера его такова, потому что он такой. Вот это удивительное единство человека и его веры в первый раз встретилось мне именно в нем.

И, надо сказать, что это необычайно отрадные воспоминания: бывают ведь такие люди, — необычайно отрадные. Мне кажется, что вот так и становится понятным, каким образом христианство могло победить мир. Вот именно таким образом. Через эту силу благоволения, понимания и человечности.

Странно. Все это ужасно странно. Но ведь есть такие люди; уже много лет прошло со дня его смерти, надо думать о нем со скорбью, а вспоминаешь его именно как источник света и веселья, хотя он вовсе не был такой уж веселый человек. Наоборот, постоянно озабоченный, встревоженный, занятой. А вот как-то чувствовалась в нем очень прочная светлая основа личности, в нем был очень устойчивый источник света. Такой незаемный!

Самуил Лурье

Краткая биография протоиерея Сергия Гаккеля

Сергей Алексеевич Гаккель родился в 1931 году в Берлине, в семье русских эмигрантов. С 1940 года жил в Англии.

Получил хорошее английское образование: учился в одной из престижных частных школ Англии «Блоксам», затем поступил на факультет современных языков в Оксфордский университет, где изучал историю Византии и России. Одним из его преподавателей был византолог князь Дмитрий Оболенский. В 1952 году Сергей Гаккель окончил университет. После десятилетия преподавания в средней школе стал доцентом в университете графства Сассекс, а впоследствии профессором на кафедре общеевропейских наук (1964–1989 гг.). Читал студентам курсы по русской литературе, истории России и Византии, а также курсы, посвященные творчеству Кафки, Холокосту и др. В 1975 году защитил свою докторскую работу, посвященную поэме А.Блока «Двенадцать».

В 1958 году был рукоположен в сан дьякона, а в 1964 — в сан священника (Московский Патриархат, Сурожская епархия), возглавлял приход Рождества Христова со дня его основания в 1964 году в городе Льюис. Участвовал в Поместном Соборе РПЦ МП 1971 году. Перевел на английский язык хресто-

матийный труд св. Феофана Затворника «Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться» (1959). Ему принадлежит также учебник для детей школьного возраста *The Orthodox Church* (1971) (переведенный теперь на русский язык). В течение всей своей жизни писал и издавал статьи и эссе на церковные, духовные темы и литературно-критические исследования.

В 1965 году в Англии вышел первый вариант книги отца Сергия Гаккеля о матери Марии на английском языке, а в 1981 — второй вариант этой книги. Она была издана на немецком, итальянском, греческом языках. На русском языке вышла в издательстве YMCA-PRESS (Париж) в 1992 году.

В 1978 году стал редактором экуменического журнала «Соборность». С 1984 года — редактор религиозной программы Русской Службы Би-Би-Си.

О. Сергей был членом епархиального совета Сурожской епархии, членом Всемирного совета церквей, исполкома британского и ирландского совета Церквей, исполкома британского совета иудеев и христиан. Возглавлял благотворительное общество святого Григория, созданное по благословению владыки Антония Сурожского для оказания помощи России.

Отец Сергей скончался 9 февраля 2005 года в городе Хэйвордс Хис в графстве Сассекс и похоронен на погосте древней церкви в деревне Барком Миллс, в которой прожил 45 лет своей жизни.

Заключительное слово

Прославление матери Марии явилось триумфом всей жизни отца Сергия и его служения Церкви и обществу.

Рабочий кабинет в его деревенском доме был своего рода и музеем работ Матери Марии. Здесь хранились тетради ее рукописных поэтических произведений, с ее иллюстрациями к ним. На стенах и над камином висели писанные и вышитые ею иконы. А на полке, рядом с архивом матери Марии — ее жизнеописание отцом Сергием на английском и русском языках. Он блестяще писал на обоих языках.

Но это не все: он был почти единственный, а может быть и единственный в мире представитель обеих культур, русский интеллигент и английский джентльмен; русский православный священник и западный либеральный христианин; одно из последних звеньев, так незаметно, так деликатно и так прочно соединявших Запад с Востоком.

Фаина Янова

Содержание

Список авторов	7
Вместо предисловия	10
ВСТУПЛЕНИЕ. Сэр Джон Тавенер	12
АРХИЕПИСКОП О СЕРГИИ ГАККЕЛЕ.	
Роуэн Уильямс	13
ОН БЫЛ ПО-НАСТОЯЩЕМУ СМИРЕННЫМ.	
ЧЕЛОВЕКОМ. Энди Шервуд	16
ЛОЯЛЬНЫЙ ОППОЗИЦИОНЕР.	
Протодиакон Петр Скорер	18
КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ. Татьяна Викторова	22
ЧТО Я МОГУ ВСПОМНИТЬ ОБ ОТЦЕ СЕРГИИ?	
Ольга Седакова	30
ОТЕЦ СЕРГИЙ ГАККЕЛЬ — ХОРОШИЙ ДРУГ	
И ВЫДАЮЩИЙСЯ ЭКУМЕНИСТ.	
Преподобный доктор Колин Дэйви	31
КАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ БЫЛ ОТЕЦ СЕРГИЙ?	
Отец Ричард Прайс	39
ОН БЫЛ МОИМ СОСЕДОМ. Роджер Хоман	40
СЕРГИЙ ГАККЕЛЬ И САССЕКСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ	
В 1964–1988. Берилл Уильямс	47

ДОКТОР СЕРГИЙ ГАККЕЛЬ. Тереза Черфас	56
«О. СЕРГИЙ БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ, СПОСОБНЫМ НА ПОМОЩЬ». Священник РПЦ Георгий Кочетков.	60
ЕГО ПРОПОВЕДИ СРАЗУ ЖЕ СТАЛИ НОВЫМ СЛОВОМ ДЛЯ РАДИОСЛУШАТЕЛЕЙ. Питер Юделл	61
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СЕГОДНЯ ТАК НУЖЕН ОТЕЦ СЕРГИЙ. Мария Карп	70
«ВСПОМИНАЕТСЯ ОДНА ИСТОРИЯ». Анна Шмаина-Великанова	75
ЕВРЕЙСКИЙ ПОДХОД К ДИАЛОГУ С ХРИСТИАНАМИ И МУСУЛЬМАНАМИ. Эдвард Кесслер.	76
ВОЗВРАЩАТЬ ЛЮДЯМ ЗАБЫТЫХ СВЯТЫХ — ВЕЛИКАЯ МИССИЯ. Татьяна Вольтская	87
ОН БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ, К КОТОРОМУ Я ИСПЫТЫВАЛ БОЛЬШУЮ ПРИВЯЗАННОСТЬ, ГЛУБОКУЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ И ВОСХИЩЕНИЕ. Себастиан Брок.	93
ИСТИННЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ. Елена Камбурова	107
ОН НИКОГДА НЕ ЗАДАВАЛ ВОПРОС «А КТО МОЙ БЛИЖНИЙ?». Священник Георгий Эдельштейн	109
СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ. Анита Эдельштейн	117
УДИВИТЕЛЬНОЕ ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ВЕРЫ. Самуил Лурье	121
Краткая биография протоиерея Сергия Гаккеля.	123
Заключительное слово. Фаина Янова.	125

Литературно-художественное издание 12+

Русский интеллигент,
английский джентельмен

*Памяти
о. Сергия Гаккеля*

Редактор Н.Ф. Измайлова

Выпускающий редактор Г.С. Чередов

Художественный редактор Т.Н. Костерина

Оператор компьютерной верстки текста
Л.Г. Иванова

Оператор компьютерной верстки переплета
и блока фотографий Е.В. Мелентьева

Технолог М.С. Кырбаш

ООО «Центр книги Рудомино»
109189, Москва, ул. Николаямская, д. 1
Отдел реализации издательства: (495) 915-31-00
e-mail: synkova@libfl.ru, amin@libfl.ru
<http://www.facebook.com/CentreBook>

Технологическое сопровождение ООО «Бослен»
<http://www.boslen.ru>; e-mail: info@boslen.ru

Подписано в печать 31.03.2015. Формат 84x108/32.
Тираж 500 экз. Заказ №2261

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом печати»
432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

Отец Сергей Гаккель
был многогранным человеком.
Каждая грань его личности сверкает
талантом, воплощенным в жизнь.
Об этом человеке – священнике,
писателе, ученом-историке,
журналисте и художнике – можно
было бы написать несколько книг.

Материалы, собранные в этой
книге – воспоминания коллег,
соратников и друзей отца Сергея,
в них звучит и его собственный,
неповторимый голос.

Фаина Янова

ISBN 978-5-00087-062-4

9 785000 870624